

А. Ф. Журавлев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ
НАД СЛАВЯНО-ИРАНСКИМИ
СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ
(SLAVO-OSSETICA)*

Статья 3

Настоящей публикацией завершается серия статей, посвященных осетино-славянским семантическим схождениям (см.: slavo-ossetica 1; 2) и могущих рассматриваться как семантико-типологический комментарий слависта к языковым данным, отражаемым в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», а также к этимологическим решениям, принимаемым В. И. Абаевым. Здесь охватывается осетинский лексический материал в алфавитном диапазоне от *t* до *z* (Абаев III–IV).

В работе затрагиваются общность в семантической мотивированности словесных обозначений, случаи подобия в семантическом устройстве фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний (ономастиологические параллели), сходная метафорика (семасиологические параллели), реже — общие семантико-прагматические эффекты (например, уподобляющее приобретение словами положительных или отрицательных коннотаций, сходные случаи табуистических замен) и проч. Наблюдения носят характер поиска скорее семантико-типологической общности, чем контактных или тем более генетических сближений: представляется важным показать разные области семантического параллелизма, обнаружить меру специфичности / тривиальности смысловых аналогий, косвенно — меру распространенности тех или иных моделей лексико-семантического развития в разных языках.

Характер и приемы разбора данных сохраняются в прежнем виде. Славянские (подавляющим образом русские) параллели,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11–04–00470 "Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ".

отмеченные самим В. И. Абаевым, за редкими исключениями не затрагиваются.

tabyrʒan (иронск.) ‘овца-меринос’, ‘мериносовая шерсть’ (Абаев III, 219–220). Из рус., укр. *тавричанка* — таврическая овца, внутривидовый тип асканийской породы (ср. *тавричанка* ‘дрожки’ — Сл. донск. казачества, 523; ‘тачанка’ — СРНГ 43, 211). Стандартная для множества языков, тянущаяся с античных свидетельств модель оттопонимического (и этнонимического) названия импортных пород скота, птицы, собак и проч. — по месту, откуда они заимствованы. Ср. рус. *шлёнка*, *шлёнская овца* ‘порода, вывезенная из Силезии’, кемер. *сибирячка* ‘порода овец’ (СРНГ 37, 267), астрах. *калмыцкая овца*, ворон. *калмычка* ‘лошадь калмыцкой породы’ (СРНГ 12, 363), донск. *нёмка* ‘корова красной молочной породы’ (СРНГ 21, 81; Сл. донск. казачества, 318); *бухарский голубь* (СРНГ 3, 320), псков. *грецкая порода* (собак) (СРНГ 7, 135) и огромное число аналогичных названий повсюду в славянских языках и диалектах, не говоря уже о международной (переводной) номенклатуре типа *французский бульдог*, *ирландский сеттер*, *бельгийская овчарка*.

tag | **tagæ** 1. ‘нить’, ‘полоса’...; 2. ‘лесная полоса’, ‘перелесок’, ‘роща’ (Абаев III, 220–221). Ср. рус. *полоса* (лесная). Не может ли ландшафтное значение осетинского (дигорского) слова быть калькой с русского? Далее, к семантическим дериватам от ‘нить’, — моск. *нитка* ‘полоска земли, пашни’ (СРНГ 21, 241: «Дали бы нам [земли] по нитке. Как бы земля была, я бы посеяла нитки четыре», 1936).

taǰd ‘быстрый’ (Абаев III, 221–222). Представляет собою причастие прошедшего времени от **tak*- ‘бежать’, ‘течь’ (→ осет. *tæxun* | *tæxun*, *tæzun* | *tæzun*). Ср. «польск. *biegły* (и редк. *biegliwy* ‘быстрый’ < праслав. **běglъjь* [и, добавим, **běglivъjь*, ср. с польской формой упоминаемое В. И. Абаевым рус. диал. *бегливый* ‘быстрый, резвый’ (о коне) — Сл. Сред. Урала II, 38; СРНГ 2, 170. — А. Ж.]; польск. *bieżny* ‘быстрый’, кашуб. *beżni* то же (Sychta I, 108), ср. и чешск. диал. (морав.) *zabízný* ‘быстрый’ (Kott V, 16) < праслав. **běžъnъjь* (от **běgti*); польск. *ciekawy* устар. ‘быстрый, проворный’ (Варшавский словарь I, 323), укр. *цикавий* ‘бойкий, живой, шустрый’ < праслав. **těkavъjь* (от **těkati*)» (Варбот 1997, 41). Еще рус. *беглый* ‘быстрый, скорый’ (*беглое чтение*, *беглый огонь*), диал. *бёглой* ‘быстрый’ (напр., пожар), *бегóm* ‘быстро’ (писать, ехать) (Арханг. словарь 1, 139) и под. Стандартная се-

мантическая модель: от др.-инд. *árvan* ‘быстрый’ ← ‘бегущий’, *dravát* ‘быстро’ ← ‘бегом’, *saranyū* ‘быстрый’, ‘беглый’, *syandrá* ‘спешащий’ ← *syand* ‘течь; бежать’, греч. *θοός* ‘быстрый, скорый’ ← *θέω* ‘бежать’, лат. *cursim* (*legere*) ‘быстро’ ← *curro* ‘бежать’ до современного калькированного *галопирующая инфляция*. Кроме приведенных у Ж. Ж. Варбот производных от **tékati*, специально к выводимости обозначений понятия ‘быстрый’ из глаголов со значением ‘течь’ (основная семантика осет. *tæxun* и его коррелятов) ср. сопряженность рус. *стремительный* ‘быстрый’ и его славянской родни с диал. *стрéмя* ‘быстрое течение; стрежень’ и дериватами (СРНГ 41, 324–328), далее *струя* и проч. (см.: Преображенский II, 396–397; Moszyński 1957, 123–124; Фасмер III, 775; ЕСУМ 5, 438).

tarf ‘глубокий’ (сон)... (Абаев III, 232). В. И. Абаев предлагает этимологию, по которой заголовочное слово представляет собою контаминацию *tar* ‘темный’ (к арийск. **tamsra*, далее к и.-е. **tem-* ‘темный’) и *arf* ‘глубокий’ («может быть, из *āp-ra*, от *āp-* ‘вода’») — Абаев I, 63; последнее, на наш взгляд, сомнительно). К рассуждениям автора о связи значений ‘темный’ и ‘глубокий’ ср. рус. *глубокий* применительно к насыщенным цветам холодного спектра, прежде всего синему и черному, сербохорв. *дубока боја* ‘темный цвет’, чешск. поэт. *hlubomodrý* ‘густо-синий’ (у Густава Пфлегера-Моравского; индивидуальное? калька с немецкого?); аналогично нем. *tieflblau* ‘темно-синий’, новогреч. *βαθιογάλαζος* ‘темно-голубой’, *βαθιοκόκκινος* ‘темно-красный’, *βαθιοπράσινος* ‘темно-зеленый’. Ср. еще *глубокая ночь*, польск. *głęboka noc*, чешск. *hluboká noc* и проч. — с совмещением представлений о позднем часе и темноте.

tæn | tæpæ ‘струна’ (Абаев III, 262). От иран. **tana-*, к и.-е. **ten-* ‘тянуть’. Ср. праслав. **tęti* ‘тянуть, натягивать’ → **tętiva* с кругом близких значений, в том числе ‘струна, хорда’; ср. *тетива барабанная* ‘две струны на поддоне» (Даль² IV, 404).

tærkk (иронск.): *fætærkk wun* ‘вспылить’, закапризничать’... (Абаев III, 270). В толковании *tærkk* В. И. Абаев исходит из основного значения ‘взрыв’, ‘прорыв’, ср. перс. *tarāk* ‘треск (от лопанья, взрыва)’, предполагая в истоках языкового знака идеофоническую природу. Ср. рус. *взорваться* ‘вспылить, внезапно разгневаться’, *взрывной* ‘склонный к внезапному бурному проявлению чувств’, польск. *wybuchłem* ‘меня взорвало’; далее — *порывистый* ‘неуравновешенный, легко переходящий из одного душевного состояния в противоположное’.

tel 1. ‘провокола’; 2. ‘телеграмма’; *tel cævyn* ‘телеграфировать’ («ударить проволоку») (Абаев III, 288). Ввиду вероятно тюркского происхождения слова *tel* (исконно иранское слово в иронском рефлещировало бы как *tīl*) источник осетинского фразеологизма со значением ‘телеграфировать’, как и похожих выражений в соседних языках, следует видеть в приводимом В. И. Абаевым турецком *tel vurtmak* — буквально ‘ударить проволоку’. Впрочем, эта фразеологическая схема распространена шире, ср. монг. *утас цохих* с тою же внутренней формой. И тем не менее глагольная часть русского (уже устар.?) *отбить телеграмму* просится в сопоставление (*отбить* — очевидно ‘отстукать’).

tītykky (иронск.): *tītykky færdyg* ‘самоцвет tītykk’ (*færdyg* — ‘самоцвет, бусинка’...) — чудесный, необыкновенной красоты самоцвет; о красивом ребенке говорят: «он похож на *tītykky færdyg*...») (Абаев III, 296). (а) В. И. Абаев ссылается на Х. У. Бейли, восстанавливающего иранский корень **tī-*, **tai-* со значением ‘смотреть’ и распознающего его в иранских словах для обозначения ‘глаза’, ‘глазного яблока’, ‘зеницы’. В подкрепление связи значений ‘глаз’ и ‘самоцвет’ ср. рус. *глазók, глазóчек* ‘одиночный камешек; жемчужина’ (Даль² I, 354; СРНГ 6, 191), др.-рус. *глазъкъ* ‘шарик’ (СДРЯ II, 327), *глазкы стекляныи* (СлРЯ XI–XVII вв. 4, 29, Ипатьевская летопись), укр. диал. *глазок* ‘шарик’, *глазкі* ‘грузила у рыбацкой сети’, блр. диал. *глазкі* то же, польск. *glaz* ‘крупный камень’, ‘галька’ и др., уменьш. *glazik*, малопольск. *glazek* ‘камешек’, ст.-чешск. *hlazec* ‘rotaris, разновидность камня’, болг. *Глаз, Братанов глаз*, (р.) *Глазне поміна лосі*, в каменистых местностях, макед. *Глас помеп лосі*, скала. Однако если иранские факты показывают метафоризацию анатомического обозначения (обозначение глаза мотивировано глаголом ‘смотреть’), то в славянских языках направление метафорического переноса (если это вообще метафора, а не простое сужение значения) противоположное, ср. рус. диал., простореч. *шары* ‘глаза’. См.: Sławski I, 288; SP 7, 90–92; Machek², 405; БЕР I, 246; Фасмер I, 409; Черных I, 190; ЕСУМ I, 520; ЭССЯ 6, 117 (: от и.-е. **g(h)el-* ‘круглое, шарообразное, камешек’). (б) К осетинскому сравнению миловидного ребенка с самоцветом-«глазком» ср. рус. диал. (самар., твер.) *глазók* — о красивом, привлекательном человеке («...такой красавец, такой писаный *глазок*, что и не сказать» — СРНГ 6, 190).

toхun (дигорск.) ‘бороться’, ‘биться’, ‘сражаться’, ‘воевать’; *tuğd* ‘сражение’, ‘бой’, ‘война’ (Абаев III, 307). Связав слова с и.-е. **teuk-*, **tuk-* ‘пронзать’ и привлеки рус. *тыкать*, В. И. Абаев

упустил семантически параллельное рус. *стычка* 'военное столкновение, короткий бой', ср. с тем же значением польск. *potyczka*, чешск., словац. *potučka* и т. д.

tram | **tæran** высоко ценящая порода лошадей (Абаев III, 308). «...получила свое название от той фамилии, представителя которой занимались ее разведением, — ...от абазинской фамилии *Tram*, Трамовых...». Ср. рус. *орловский рысак*, *орлово-ростопчинская порода* («девическое» имя русской верховой), далее (по имени патрона государственного коневодства, а не собственно заводчика) — *будённовская порода*. Распространенная модель: ср. англ. *Godolphin*, *Darley*, *Byerley*, исп. (аргентин.) *Falabella*.

tūlyn | **tolun** 1. 'катить', 'катиться', 'катать', 'скатывать' <...>; 2. 'опускать во что-нибудь жидкое или сыпучее', 'макать', 'обмакивать', 'окунуть' (Абаев III, 317–318). (а) Приводимое здесь осет. *χædtūlgæ* 'самокат' по словообразовательной структуре сопоставимо с рус. *само-кат*; не калька ли с него? (б) С переключкой 1-го и 2-го значений осетинского глагола ср. рус. *как сыр в масле катается*¹.

tyg_oyr 'куча', 'группа' (Абаев III, 328). «Вероятно, идеофон с исходным значением 'круглый'». Модель 'круг' → 'группа людей, сообщество' принадлежит к семантическим фреквенталиям: др.-инд. *māṇḍala*, *cakrā* ('колесо' — 'войско'), греч. *κύκλος*, лат. *circulus*, *orbis* ('род человеческий' у Овидия), нем. *Kreis*, лит. *rātas*, алб. *rreth*, финск. *piiri*, венг. *kör* 'кружок', монг. *дугуй* 'круг; колесо' → *дугуйлан(э)* 'кружок, группа' и мн. др. Ср. специально рус. *круг* 'группа людей с общими интересами', 'объединение для совместной деятельности (политической, образовательной, художественной и проч.)' (начиная с древнерусского, см. СлРЯ XI–XVII вв. 8, 78), *кружок*, казачий *войсковой круг* 'общее собрание казаков', *правительственные круги*, *семейный круг* и т. д. с аналогиями во многих славянских языках (в частности, в гнезде **kolo* 'колесо, круг': чешск. *kolo* 'товарищество', в.-луж. *koło*, сербохорв. *кòло* 'кружок, общество'). Та же отправная семантика — в слав. **obyjina*, **obyjstvo* 'община', 'общество', 'сообщество' и под., восходящих к идее круга, окружности, замкнутой линии: **obyjъ(jь)* — «от предлога / приставки **oby-*, первонач. 'со всех сторон, круглый'» (ЭССЯ 31, 167; ср. Трубачев 2008 (1960), 228).

tyl | **tuláe** анат. 'родничок' (мягкое место на темени новорожденного...) (Абаев III, 329). «Вероятно, относится к дериватам индоевропейской базы **tu-* 'пухнуть'. К *l*-Bildungen индоевропейского гнезда **teu-* (**tu-el-*) относится и славянская лексика,

соотносимая со слав. **tyti* ‘пухнуть; жиреть, наливаться’, — **tyľь*, **zatyľькь*, **potyl-* (рус. *потылка*, *потылица*; укр. *потилиця*, *потиле* ‘затылок, холка’), **obtyl-* (рус. *отылый*, блр. *атылы*, словац. *otulený* ‘толстый, грузный’) и проч. (см.: Pokorný I, 1081; Фасмер IV, 131, 133). Однако в достоверности этимологии В. И. Абаева заставляет несколько сомневаться второе значение ирон. *тыл* — ‘швы черепа’ (Осетинско-русский словарь 1952, 331).

tyrǵ | turǵæ 1. (иронск.) ‘первая (нежилая) часть сакли’, ‘сени’, ‘прихожая’ ‘навес’, ‘балкон’; 2. (дигорск.) ‘двор’ (Абаев III, 341–342). Каково бы ни было происхождение осетинского слова, соприкасаемость значений ‘двор, усадьба, огороженное пространство вне дома’ и ‘нежилая часть дома’ в пределах одного слова и / или его ближайших производных составляет особенность и семантики, связанной со славянской материальной культурой в некоторых ее поздних региональных вариантах. Ср. сев.-рус. *двор* ‘нежилая часть дома между комнатами и хозяйственными постройками’, ‘часть нежилой половины дома в первом этаже, где помещается скот’, арханг. *дворец*, *дворица* ‘помещение для скота в нижней части дома’ (СРНГ 7, 295; Арханг. словарь 10, 329; Сл. Русского Севера III, 185; Мораховская 1996, 58 и след.), сербохорв. диал. *dvôr* ‘крытое место перед входом в дом, прихожая, веранда’, далее укр. диал. *подвірня*, *подвіорець* ‘сени’ (своды славянских диалектных значений см. в: SP 5, 130 и след.; ЕСУМ 2, 18).

ūd | od ‘дух’, ‘душа’, ‘spiritus’ (Абаев IV, 6–7). (а) Приведенный В. И. Абаевым фразеологизм *ūd lasyn* ‘мучить до смерти’, «извлекать душу» по внутренней форме (*lasyn* — ‘вытаскивать, вынимать’) может быть сопоставлен с иноязычными фактами (ср., например, новогреч. *μοῦ ἔβγαλε τὴν ψυχή* ‘он из меня всю душу вытянул’, чуваш. *чун ил* ‘душу вынуть, замучить’), в том числе и со славянскими — рус. *тянуть душу*, (всю) *душу вынуть*, *вытрясти душу* (см.: Михеев 1999, 148, 155), диал. *душу выколосить* ‘довести до изнеможения, измучить’ (псков., СРНГ 5, 293; 8, 281), укр. *виймати душу*, *виривати душу* ‘доставлять мучения’, блр. *вытрасці душу*, *выняць душу*, ср. диал. *цягнуць дуюшу* ‘вымогать’ (Сл. паўночн.-заход. Беларусі 5, 384), польск. *wytrząsnąć duszę (z kogoś)*, чешск. *vytřást duši (z někoho)*, словац. *vytriasť (z niekoho / niekomu) dušu* ‘вытрясти (всю) душу из (кого-либо)’ и др. На Смоленщине засвидетельствован обычай «вытряхивать душу» — в страхе перед душой, еще могущей оставаться в теле умершего, трясти покойника при пересечении похоронной про-

цессией рубежных локусов (порог дома, ворота, вход в церковь) (Славянские древности 2, 164). Вероятно, сходные представления имеются и у осетин: перед погребением тело покойника троекратно поднимается над вырытой могилой; это объясняют представлением о том, что душа во время похорон вновь входит в тело и необходимо помочь ей освободиться (Миллер 1881, 295; Чибиров 208, 38). (б) Употребление осетинского слова в значениях ‘человек’, ‘живое существо’, ‘жизнь’, отмечаемое В. И. Абаевым, аналогично известному практически всем славянам использованию слова **duša*, например, в сочетаниях типа *всякая душа* ‘всякое живое существо’, *нет ни (единой) души, в семье (столько-то) душ* (см. след.); ср. еще *на душу населения*.

ūdægas | odægas ‘живой’ (Абаев IV, 8). «Буквально „имеющий живую (*ægas*) душу (*ūd*)“». Синтагматическое соединение понятий ‘душа’ и ‘живой’ в славянских языках представлено многочисленными примерами, главным образом для передачи значений ‘каждый’ и ‘никто’ (‘никого’) — рус. *живая душа*, укр. *всяка жива душа* ‘каждый’, *ні живої души*, польск. *żywa dusza nie...* ‘ни одна живая душа, никто не...’, чешск. *(nebylo) živé duše* ‘(не было) ни души’, словац. *[ani] živej duše niet*, болг. *няма жива душа*, сербохорв. *ни живе душе*, словен. *žive duše ni* ‘нет ни души’ и под., — и, без сомнений, может быть возведено к праславянскому фразеологическому фонду: **žyva(ja) duša*, **nikъdě žyvyję dušę* (ср.: Толстая 2000, 54). О древности соединения этих смыслов говорит наличие параллелей в других индоевропейских языках: лат. *animus vivus* (у Плиния Младшего), нем. *keine lebendige Seele* ‘ни одной живой души’, лит. *nė gyvos dvasios* то же; и не только индоевропейских: чуваш. *чёрё чун* ‘живое существо’, непосредственно ‘живая душа’ (подробнее, в том числе о библейских употреблениях, см.: Журавлев 2005, 752). Уточнить понятие ‘живой’ в приведенных примерах помогает одно из значений осет. *ægas* — ‘целый, весь’, т. е. ‘здоровый; неповрежденный, неистраченный, непогубленный’ (см. о связи этих значений в: Журавлев 1978; Журавлев 2005, 397–398).

ūdæmbal | odæmbal ‘супруг’, ‘супруга’ (Абаев IV, 8). Буквально ‘спутник жизни («души»)’. Первоначально *æmbal* — ‘товарищ по походу’ (Абаев I, 135). Рус. *спутник жизни* (ср.: «„Верная жена“ — спутник жизни, товарищ до конца дней» — В. Розов, «Удивление перед жизнью») характеризуется принадлежностью к приподнятому казенно-романтическому «штилю» либо, цитатно отсылая к нему, несет иронический привкус (конечно, не у Розова,

склонного к плоскому назидательству). Любопытно, есть ли этот прагматический оттенок в осетинском? Ср. другое околичное название для ‘жены, супруги’: *уды хай* (Осетинско-русский словарь 1952, 343) — буквально ‘часть души’.

ūrssag | orssag ‘молочные продукты’ (имеется в виду прежде всего сыр) (Абаев IV, 19). Из *ūrs* ‘белый’ с суффиксом *-ag* при закономерной геминации *s*. Семантическая модель ‘молочное’ ← ‘белый’ славянским языкам не чужда: сербохорв. *бѣлѣво, бјѣлѣво* ‘молочные продукты’ (тж. ‘яйца’) (РСА I, 442), *бѣлава, бјѣлава* ‘обезжиренный сыр из сыворотки’ (Там же, 431), продолжения того же мотива — в словац. *biela káva* ‘кофе с молоком’, укр. диал. *білѣшка* то же (шутл.) (Гринченко I, 67); далее слав. **zaběl’ati*, **zaběľь, *zaběla*: рус. *забелять* ‘подбеливать чай, щи, прибавлять сливок, сметаны’ (Даль² I: 557), диал. *забѣла, забѣльное* ‘сметана, сливки или молоко как приправа к пище, к чаю’ (Там же; СРНГ 9, 250–251), *забѣлка* (сметана, сливки как приправа к первому блюду) (Новг. словарь 3, 5), укр. *зábíl, зábílка* ‘то, при помощи чего жидкая пища получает белый цвет: сметана, молоко’ (Гринченко II, 6), польск. *zabielac’* ‘приправлять сметаной (молоком)’ и т. п.; рус. диал. (ряз.) *набелѣть* ‘приправить кушанье молоком или сметаной’ (СРНГ 19, 111), укр. *набíl* ‘молочные продукты’ (Гринченко II, 463), польск. *nabiał* то же. При этом, однако, рус. диал. *бѣлое* ‘молочные продукты’ (колым., СРНГ 2, 219), не поддержанное буквальными повторениями, не может считаться собственно славянской ономаσιологической параллелью осетинским данным, поскольку является отражением якут. *ūrūŋ* ‘белый, белизна; молочные продукты, масло’, *ūrūŋ as* ‘молочная пища (масло, сливки)’, которые в свою очередь находят семантические соответствия, если не истоки, в монгольских языках — монг. *цагаан идээ*, бурят. *сагаан эдээ(н)* ‘белая (молочная) пища’ (Аникин ЭСРусДСиб, 126). В осет. *ūrssag* В. И. Абаев почему-то видит некоторую семантическую аналогию груз. (рачинскому) *c’veleuli* ‘молоко и его производные’ от *c’vela* ‘доить’. Но в апелляции к грузинскому слову с нетождественной мотивацией, кажется, нет никакой необходимости, если принять во внимание соседнее карачаево-балкарское *aq* ‘белый’ → ‘молоко, молочные продукты’ (ЭСТЯ Гласные, 116; СИГТЯ Лексика 1997, 449), которое и могло оказаться образцом для семантического подражания. Эта мысль кажется тем более вероятной, что «в новейшее время осетины соседнили непосредственно только с одним тюркоязычным народом: балкарцами» (Абаев 1949, 35), хотя при этом В. И. Абаев находит

нужным сказать, что языковое влияние балкарцев на осетин было ничтожным.

ūsġūr | osgor ‘жених’ (Абаев IV, 21). Буквально — ‘просящий жену’: образовано на базе «составного» глагола *ūs kūryn* ‘свататься’, непосредственно ‘испрашивать (*kūryn*) жену (*ūs*)’; ср. абхаз. *a-pqʷisqʷara* ‘жениться’ — сложение смыслов ‘жена’ + ‘просить’ (Климов—Халилов 2003, 465). Мотивационное сходство с осетинским названием жениха обнаруживается в слав. **ženixъ*, также вызывающем к понятию ‘жена’ (опосредованно, через **ženiti*), ср. еще рус. *женухаться*.

ūzælyn (иронск.) ‘ухаживать’..., ‘делать приятное’ (заботой, лаской, угощением), ‘ублажать (иногда притворно)’, ‘потчевать’; *aūzælyn* ‘обласкать’, ‘попотчевать’, (шутливо) ‘поколотить’... (Абаев IV, 23–24). Ср. рус. *потчевать*, *угощать* и др. в качестве иронической метафоры: *потчевать тумаклами, возжсами, угостить затрепщиной*, «изрядно был бы *потчеван арапниками*» (В. Нарезный, «Бурсак»), «Мы *потчевали* еще раз войска Казимуллы 19 июня и теперь делаем чувствительное путешествие в горы, поколачивая мятежников при каждой встрече» (А. Бестужев-Марлинский, «Письма из Дагестана»), «Забил снаряд я в пушку туго И думал: *угощу* я друга» (М. Лермонтов); далее: «Иного до того *огладит*, что долго встать не может» (П. Бажов, «Кошачьи уши»), «Старика *ублажили* так, что у него пошла кровь горлом» (Вс. Иванов, Дневники)... Ср. *честить* (с которым исторически соотносимо *потчевать*) в производном значении ‘бранить, ругать’.

wajdun (дигорск.) ‘намеки’; *wajduntæj zorun* ‘говорить намеками’ (Абаев IV: 42). «Вероятно, из *waz-dun* „кончик (*dun*) слова (*waz*)“». Ср. рус. (*понимать*) *с полуслова*. Однако в русском *полуслово, полслова* — не только ‘намеки, обиняки, недоговоренности — в расчете на понятливость собеседника’ («...ну и там... вы, разумеется, меня с *полслова* понимаете» — Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы»); «*Полуслов* не люблю...» — Ф. Достоевский, «Двойник»), но и ‘слова, цедимые неохотно, короткие ответы, подчеркивающие нежелание продолжать разговор’ («Она очень сухо обошлась с Варварой Павловной, отвечала *полусловами* на ее любезности...» — И. Тургенев, «Дворянское гнездо») — словоупотребление, толковую лексикографию по каким-то причинам не заинтересовавшее.

wæġdy | wæġdi ‘напрасно’, ‘тщетно’, ‘зря’ (Абаев IV, 66). «Локатив от *wæġd*, прош. причастия от *wazun* ‘отпускать’ и пр.»

Сходная мотивированность и в славянских: один из синонимов к *напрасно, тщетно, зря* — наречие *попусту* (в диалектах также *пусто* ‘напрасно, попусту’ — СРНГ 33, 143: «Тут он *пусто* проучится два-го года») — соотносится с *пустить, (от)пускать* (см.: Фасмер III, 410, 411), ср. еще сложения с начальным *пусто-* (*пустобрёх, пустозвон, пустоцвет* и под.). Однако локативная семантика в осетинском не совсем ясна.

wælewat (дигорск.) ‘высокое, возвышенное помещение, комната’ (Абаев IV, 78). «Сложение из *wæl-* [‘над, наверху’] и *wat* ‘комната’». Семантически ср. слав. **gorьnica* со значениями ‘горница, верхнее жилое помещение’, ‘чердак’ и др. в южно- и восточнославянских языках; рус. диал. *верхи́* ‘верхний этаж’ («Казачьи дома обычно имеют два этажа: верхи и низы. В низах кухня, кладовка и проч. Верхи — чистое помещение»), *верхни́ца* ‘вышка, теремок, чердачок, настрой, горница’ (СРНГ 4, 158, 161).

wænyg | iwonug, iwonæg ‘бычок’, ‘juvencus’ (Абаев IV, 86–87). «Восходит к **yawanuka-* (**yuwanuka-, *yawanaka-*). Индо-европейская база — **yuwen-, yun-* ‘юный’ (Pokorny 510–511)». Распространенная модель номинации ‘бычка’ и ‘телки’ на базе понятия ‘юный’, которой касается автор словаря, должна быть рассмотрена в более широком славянском контексте. Кроме упоминаемых В. И. Абаевым «ст.-слав. *junь* ‘юный’, *junьсь* [-сь! — А. Ж.] ‘бычок’, *junica* ‘телка’», могут быть привлечены материально тождественные факты почти из всех славянских языков (см.: ЭССЯ 8, 194, 197–198). Этому пространному ряду вполне параллельны многочисленные образования, входящие в гнездо с корнем **mold-* ‘молодой’ (данные приводятся по сводам в ЭССЯ 19, 150–184): рус. диал. (псков., смол.) *моло́дка* ‘молодая корова, отелившаяся первый раз’, польск. *młodek* ‘молодой вол, бычок, теленок’, кашуб. *młódka* ‘молодая корова’, н.-луж. *młož* ‘яловая корова’, особенно в сербскохорватско-словенской языковой области — сербохорв. *mładiца* ‘молодая корова’, *Mladan, Mladen* клички бычка, *Mladenka, Mlaženka* ‘клички коровы’, *Mladoña* ‘кличка вола’, словен. *mladénka, mládovina* ‘корова после отела, когда есть молоко’ и т. п.; ср. также сербохорв. *mładiло* ‘время окота у животных’. Связь понятий ‘юница’ и ‘молодая корова, нетель’ своеобразно («зеркально»?) воспроизводится в современном русском жаргоне: *тёлка* ‘девушка’. Не думается, что прямым образцом могла служить латынь, где *juvенса* — ‘девушка’ и ‘телка’, которое вместе с *junix* родственно имени богини *Юнона, Juno* — буквально ‘телка’ (а имя греческого соответствия Юноне “Нра

— Гера русских транскрипций — соотносимо со слав. **jarьka*, **jarica* ‘молодая овца’; собственно ‘годовалая’, ср. Топоров Прус. яз. Е—Н, 74–75); отдаленно могло резонировать использование слова *корова* в известном переносном смысле (ср. новогреч. *γελάδα*, *δατάλα* ‘корова’ и *βουβάλα* ‘буйволица’ как бранные наименования женщины; в языке суданских арабов *ǧagga* ‘плотная женщина среднего возраста’ при литер. араб. *ǧiqqat* ‘старая верблюдица’), но и это маловероятно.

wærdyn | wærdun ‘валять’ (войлок, бурку, сукно) (Абаев IV, 92–93). Возводя глагол к иран. **wart-*, и.-е. **wert-* ‘вертеть, вращать, катать’, В. И. Абаев не приводит в качестве семантической параллели слав. **katati* (рус. *катать войлок, кошму, валенки*). Правда, О. Н. Трубачев, этимологизируя славянский глагол, настойчиво говорит о значениях ‘двигать туда-сюда по твердой поверхности’ (**katati*) и ‘двигать, размахивать туда-сюда по воздуху’ (близкое **katjati* → *качать*, точно коррелирующее с **kotiti*, начальную семантику которого следует реконструировать как ‘метать’; см.: ЭССЯ 9, 162–163; 11, 205–207). Тем не менее вспомнить эту параллель можно: значение ‘вращение’, как бы Трубачев ни избегал его упоминания, присутствует у *катать* весьма наглядно; помимо многого прочего ср. формальные и семантические пропорции *свернуть* : *скрутить* : *скатать*, *свёрток* : *скрутка* : *скатка*, простореч. *завертеть* : *закрутить* : *закатать* (консервную банку) и т. д.

wærtȳn xæfs | wærtȳn xæfsæ ‘черепаха’ (Абаев IV: 96). «Буквально „лягушка (*xæfs*) со щитом (*wærtȳn* от *wart* ‘щит’...)”» (в других иранских языках родственные слова имеют также значение ‘панцирь’. — А. Ж.). Из славянских семантических параллелей (частичных) В. И. Абаев приводит болг. *костена жаба* ‘черепаха’, но их число может быть значительно увеличено (см.: Гура 1997: 392). Ср.: укр. *коритна жаба*, *жаб’яча покришка*, сербохорв. далмат. *корава жаба* (‘жаба с корою’), черногор. *жаба од коре* и особенно многочисленные болгарские именованья: *жаба*, *жаба с кор*, *коруба жаба* (возможно, связано с диал. *коруба* ‘дупло’), *поткоритка жаба*, *курутанка жаба* (от *корито* ‘корыто’), *куртена жаба*, *залупчарска жаба*, *гъван жаба* (от названий деревянной посуды *залупци*, *гаванка*), *кантаруша жаба* (*кантар* ‘весы’; очевидно, панцирь черепахи сравнивается с чашками весов). В книге «Традиционная духовная культура осетин» Л. А. Чибиров считает необходимым привести легенду о происхождении черепахи: приготовленную для семьи курицу хозяйка

от глаз случайного гостя прикрыла деревянной чашкой, но когда гость ушел, курица превратилась в черепаху. Правда, сообщается, что этот сюжет записан не у осетин, а у абхазов (Чибириков 2008, 179). Подобные этимологические легенды известны и славянам — записывались в ровенском Полесье, на юге Житомирщины, в Сербии, Боснии, Хорватии, у болгар (Гура 1997, 392–393).

Wærxæg имя родоначальника эпических героев «Нартов»... (Абаев IV, 96–97). «Восходит к *warkaka- от warka- ‘волк’». Из славянских фактов, дополняющих сведения о тотемической роли и индоевропейском культе волка, который отразился, помимо прочего, в использовании слова ‘волк’ и производных от него в антропонимиконе, В. И. Абаев упоминает лишь, что в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова приводится около 40 зарегистрированных в деловой письменности лиц с именем *Волк*. Однако славянские данные, конечно же, гораздо богаче. Личные имена, восходящие к праслав. **vьlkъ* ‘волк’, особенно многообразны у балканских славян, ср., например, болг. *Вълко*, *Вълкан*, *Вълкана*, *Вълкашин*, *Вълчо*, *Вълчан*, *Вълчин* (см.: БЕР I, 205–206), сербохорв. *Вук*, *Вукац*, *Вукач*, *Вучан*, *Вучко*, *Вучета*, *Вукаша*, *Вуко*, *Вујо*, *Вујило*, *Вујин*, двучленные имена *Вук(о)мир(а)*, *Вукмил*, *Вукосав(а)*, *Вук(о)драг*, *Вуковое*, *Деливук*, *Стојвук*, *Маливук* и т. д. (см.: Skok III, 636).

wæzqūs | wæzǵos, bæzǵos ‘тугоухий’ (Абаев IV, 105). «Буквально „тяжелый (wæz) на ухо (qūs)“». Любопытны формально-смысловые пересечения со славянским: начальный компонент **ʔog-* сложения **ʔogouхъ(jь)*, служащего переводом этимологически отличному осетинскому слову с буквальным значением ‘тяжело-ух(ий)’, апофонически соотносится с **ʔeg-*, одним из основных славянских носителей идеи ‘тяжести’. Вообще же ср. нем. *schwerhörig* ‘тяжело слышащий’, новогреч. βαρύς τὰ ὄτα ‘тугой [тяжелый] на ухо, глуховатый’ и под.

wæzzaw 1. ‘тяжелый’, ‘трудный’, ‘медлительный’ [, ‘грузный’ — Осетинско-русский словарь 1952, 338]; ант<оним> *ræwæg*; 2. ‘беременная’... (Абаев IV, 105). Словарем показаны стандартные семантические соотношения — в кругу значений, объединенных под цифрой «1» (в примерах нет необходимости), и распространенные — между зонами «1» и «2» (см.: Виск, 283). Последнее наблюдается, разумеется, и в славянских языках (**berme* ‘груз, бремя, ноша, тяжесть’ → **bermenъna(ja)*, **bermenata(ja)*, **bermenita(ja)* ‘беременная’, рус. *тягостна* ‘беременная’, *тягость*, перм., сиб. *тяжестъ* ‘беременность’ — Даль²

IV, 455, *тяжела*², диал. *гру́зная* ‘беременная’ — СРНГ 7, 168, польск. *ciężarna*, чешск. *těhotná*, н.-луж. *šěžka* ‘беременная’, сербохорв. *трудноћа* ‘беременность’ и т. п.), включая его распространение и на заимствования (германизм укр. *вага* ‘вес, тяжесть’ → *вагітна* ‘беременная, о женщине’).

wydīs(y), dīsny | uzēsnae, uzestæ, izestæ мера длины — расстояние между концами большого пальца и мизинца растянутой руки [= ладони. — А. Ж.], ‘четверть’ (ок. 22–25 см) (Абаев IV, 113). Через ряд фонетических преобразований из формы **witansti* ← **tan-* ‘растягивать’. Слав. **pědь* ‘пядь’ ← **pьno*, **pěti* ‘натягивать’ как нельзя лучше годится в семантические параллели. Модель, правда, широко известная: *homo mensura omnium rerum*. Ср. нем. *Spanne* ‘пядь’ ← *spannen* ‘натягивать’; тюрк. *cepe* ‘пядь’ ← *cep-* ‘растягивать’ (ЭСТЯ 2003, 243–244; Дыбо 1995) и мн. под.

wyngæg | ungæg ‘узкий’, ‘тесный’, ‘стесненный’, ‘сдавленный’ (как физически, так и душевно) (Абаев IV, 117). Для иллюстрации утверждения, что «физическая теснота повсюду... связывается с „теснотой“ душевной, ‘тоской’, ‘страхом’, ‘тревогой’», В. И. Абаев щедро привлекает примеры из фризского, древневерхненемецкого и современного немецкого, латинского, французского, ирландского, армянского языков, но упускает доступный и наглядный славянский материал: ср. рус. *стесняться, подавленный, зажатый, мяться, угнетенный, щемить*, диал. *пережиматься* ‘колебаться, мяться; стесняться’ (СРНГ 26, 105) и т. д.

xaj ‘часть’, ‘доля’, ‘отрезок’, ‘кусок’... (Абаев IV, 132). О славянских сочетаниях типа рус. *дурака кусок*, польск. *kawał lotra* в параллель осетинским см.: *Slavo-ossetica* 2, 87–88.

²**xal | xalæ** ‘нить’, ‘нитка’, ‘нанизка’, ‘вереница’ (Абаев IV, 135). «Допустимо этимологическое тождество с ¹*xal*: „былинка“ — „нитка“. В осетинском и чеченском оба значения совмещаются». Ср. рус. диал. (новосиб.) *ніточка* (3) ‘стебелек травянистых растений’ (СРНГ 21, 242), чешск. диал. *čertovy nitky* ‘повилика клеверная (*Cuscuta trifolii*)’ (Hladká 2000, 146; «patrně podle nitkovité podoby lodyh»). Ср. далее алб. (тоскск.) *fije kashte* ‘соломинка, «нитка соломы»’, новогреч. κλωνιά ‘нитка’ — κλωνιάζω ‘пускать ростки’.

xalas | xalasæ ‘иней’; переносно ‘седина’ (Абаев IV, 136). ‘Седина’ — общеизвестная метафора, обычно остающаяся «несловарным» поэтизмом (в Осетинско-русском словаре 1952 такого значения у слова *xalas* не регистрируется, что, по-видимому, свидетельствует о его отсутствии в общеязыковом фонде, хотя

отмечается глагольное сочетание *халас уын* ‘посесть’). Тем интереснее метафорическое употребление глагола *заснежиться* в русской диалектной речи («Черный волос у тебя, однако, *заснежился*» — ворон., СРНГ 11, 47); является ли оно ходовым в говоре или индивидуальным, не ясно. В диалектах с мотивацией ‘подобный инею, снегу’ встречаются наименования животных белого окраса или с поседевшим мехом: волог., костром. *снежурка* ‘о животном белой масти’ («Эдакой теленок-от снежурка», СРНГ 39, 100), возможно, арханг. *куржевина*, *куржейина* ‘звериная шкура’ (СРНГ 16, 124, 125), если последние к *күржэ* ‘иней, изморозь’.

xalyn | ixalun 1. ‘портить’, ‘разрушать’, ‘расстраивать’, ‘нарушать’...; 2. ‘развязывать’, ‘распутывать’...; *x yd suxalyn* ‘распороть шов’ (Абаев IV, 138–139). Ср. постулируемое родство слав. **pr̥titi* ‘портить’ и **porti* ‘пороть’ (Miklosich, 243; Фасмер III, 332, 335; Черных II, 58, 59).

xans (дигорск.) ‘густые заросли травы, кустарника, бурьяна’; также название весеннего месяца: «месяц травы» (Абаев IV, 140). Воплощение широко распространенной во многих культурно-языковых традициях, земледельческих в первую очередь, ономаσιологической модели, которой, кроме комментируемого слова, отвечают названия апреля *kærdægý mæj*, дигор. *kærdæg ævzuræn* (комментарий к ним — в: Slavo-ossetica 1, 277–278; см. еще: Чибиров 2008, 333). Славянская реализация модели представлена названиями (в основном диалектными) месяцев апреля и мая — рус. *травень*, *травник*, ст.-блр. *травень*, укр. *травень*, *травник*, чешск. устар. *tráven*, словац. *traveň*, словен. *mali traven*, *velki traven*, сербохорв. *травањ*, *биљар* (*биље* ‘травы’), болг., макед. *травен* и др. (Шаур 1973, 95–96; Славянские древности 1, 115; 3, 166, 237–240). Рус. диал. (псков.) *мур* ‘май’ (Даль² II, 359; СРНГ 18, 346) подобным же образом связывается с диал. *мур*, *мурава* ‘трава’ (Фасмер III, 10). О семантических параллелях в других языках, в том числе принадлежащим иным лингвистическим семьям, и об общности хозяйственной идеологии, лежащей в основе календарных обозначений и их мотивировок у различных народов, см.: Журавлев 2005, 876 и след.

xatt ‘раз’; ... *xattæj-xatt*... ‘иногда’, ‘временами’ (Абаев IV, 144–145). «Образования типа *xattæj-xatt*... находят параллели в других языках; ср., например, др.-инд. *vāram-vāram* ‘часто’ [снова и снова]. — А. Ж.].» Более точным с грамматической стороны было бы сопоставление осетинского сложения (с первым компонентом в аблативе) и рус. *раз от разу*. Это выражение обычно

сочетается с прилагательным / наречием в сравнительной форме или глаголом со значением изменения состояния: *раз от разу громче*, *Раздражение раз от разу усиливалось* — ‘по мере продолжения, с каждым разом’; но возможны и внекомпаративные контексты: «И поскольку я был постоянным членом бригады, а Сережа бетонировал *раз от разу*, то причитающуюся ему долю выдали на руки мне...» (Н. Климонтович, «Дорога в Рим») — ‘иногда, от случая к случаю, нерегулярно’.

hawyn | хawun ‘падать’, ‘попадать’, ‘доставаться’ (Абаев IV, 148). (а) К связи значений ‘падать’ и ‘доставаться’ (на чью-либо долю), ‘случиться’ (производное *æрхауын*) ср. рус. *выпасть* (мне выпало...), болг. *падна му се*, сербохорв. *допасти, запасти*, польск. *przypaść (w udziale)* и под. во всех славянских языках. Ср. также лат. *cado*, франц. *échoir* (< лат. **excadere*), нем. *fallen, anheimfallen*, англ. *fall* и проч. (б) Один из приводимых В. И. Абаевым контекстов включает осетинский глагол в значении ‘быть произнесенным (о слове)’: *пухæй сæ нiкæй зухæй хawу* «ни из чьих уст не выпадает ни слова» (Абаев 1939, 49). Ср. рус. *ронять слова* (*проронить, обронить слово / фразу / замечание...*), начиная со «Слова о полку Игореве»: *изрони злато слово*. Далее — *перекинуться словечком, бросить слово, падать* (о словах): «Сквозь ... звонки телефона из трубки сгустками падали слова генерала» (М. Шолохов, «Тихий Дон»); «...оскорбительная небрежность, с какой тот швырялся громадными и святыми словами...» (Л. Леонов, «Вор»); «И упало каменное слово На мою еще живую грудь» (А. Ахматова, «Реквием»); «...тот, кто бросил слово в толпу, как огонь в стог сена...» (Г. Бакланов, «Жизнь, подаренная дважды»). Так же обстоит в других славянских языках: болг. *обронвам, проронвам* ‘ронять (слова)’, чешск. *utrousit* ‘уронить; рассыпать (например, пепел)’ — ‘обронить (слово)’, польск. *słowa padają* ‘слышатся слова’ и т. д. Семантическая модель распространена очень широко: лат. *verbum excidit* у Тита Ливия, франц. *laisser tomber les paroles*, англ. *drop words*, нем. *ein Wort fallen lassen*. С нею тесным образом связаны выражения во множестве языков, реализующие сочетаемостные схемы ‘ловить слова’, ‘подхватить слова’.

хæсæп | хwæсæп ‘ручка’, ‘поручень’, ‘рукоять’ (Абаев IV: 150). От глагола *хæсуп* ‘держать’ с помощью аффикса *-æп*, оформляющего имена с орудийным значением. Ср. слав. **dъržadlo, *dъržakъ* во многочисленных отражениях современными языками (см.: ЭССЯ 5: 229–230). Ср. еще рус. диал. *держáва, держáлен / держáлень, держáлка, держáло, держáль, держáльник*,

держальня, держачки в том же значении ‘ручка, рукоять (различных орудий и приспособлений)’ (СРНГ 8: 18–20, 23) и многочисленные подобные факты других славянских языков. Приводить параллели в иных языках нет необходимости: схема в высшей степени стандартна. ‘Держать’ — семантика, результативная по отношению к значению ‘брать, хватать’. Глаголы, передающие последнее, обладают аналогичным семантическим и деривационным потенциалом.

хæсун | хwæсун 1. ‘держать’, ‘держаться’; в сочетании с превербами получает также значения ‘хватать’... 2. ‘бороться’, ‘биться’, ‘сражаться’...; **хæст** ‘бой’, ‘война’... (Абаев IV, 152). Ср. рус. *схватиться* ‘вступить в столкновение’, *схватка* ‘столкновение, сражение’. С приводимым В. И. Абаевым выражением *сæст ул пæ хæсу* ‘глаз за ним не поспевает’ — о быстро движущемся предмете (с. 153) ср. книжн. *удержать взглядом, держать в поле зрения*.

хæд- | **хwæд-** первая часть ряда сложных слов... соответствует... рус. *само-*... (Абаев IV, 154). Слова, описываемые на нескольких следующих страницах «Историко-этимологического словаря...» В. И. Абаева, в структурном отношении прозрачно соотносятся с многочисленными славянскими образованиями на *samo-* (также *svoje-*), обычно сравнительно поздними и иной раз, как и сходная осетинская лексика, калькирующими иноязычные образцы.

хæдфæстæ | хwæдфæстæ ‘непосредственно позади’, ‘вслед’, ‘непосредственно после’ (Абаев IV, 156). См. ниже, **хæдраз | хwæдрazi**.

хæдсгæ | хwæдсгæ: [фолькл.] *хæдсгæ фынг* «стол-самобранка» (Абаев IV, 156). Интерес представляет соотношение вторых компонентов осетинского *хæдсгæ* (к *исун* ‘брат’) и русского *самобранка* (к *брать* → *браная* ‘о ткани — узорочная, которая точется не просто через нитку, а где основа перебирается по узору’ — Даль² I, 126; ср. блр. *абру́с-самабóр* ‘скатерть-самобранка’, далее *наборный*). Современное сознание приписывает слову *самобранка* (только в фольклорном аппозитивном соединении *скатерть-самобранка*? ср. еще вятск. *самобрань* то же — СРНГ 36, 77) не приведенное далевское значение, а, скорее, ‘(пиршественная скатерть,) сама, без участия человека, накрывающаяся яствами «из ниоткуда»’. Именно такое вторичное понимание и подвинуло В. И. Абаева к использованию рус. *самобранка* в объяснении осет. *хæдсгæ фынг*, где определяемое относится к «небольшим,

невысоким, круглым треногим столикам, входившим в инвентарь староосетинской сакли» (Абаев I, 497), а отнюдь не к «браным» скатертям. Тем не менее в названиях функционально сходных сказочных осетинской и русской реалий мы имеем дело с перекличкой первичных значений *īs-* и *br(a)-* — ‘брать’. Где причина этого совпадения?

xædkærdgæ | xwædkærdgæ [фолькл.] «самосекущий (меч)» (Абаев IV, 156). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *kærdyn* ‘резать; рубить (на куски); кроить’. Ср. рус. фолькл. *саморуб* — эпитет меча, топора и т. п., *саморубка* — эпитет сабли (волог.), *самосék* (волог., колым., якут.), *самосékлый* (олон.), *самосéч* (колым., якут.) — эпитеты меча, бердыша и т. п. (СРНГ 36, 102). О роли в осетинском (и шире — кавказском) фольклоре мифологического представления о рубящем и колющем оружии, обладающем чудесной способностью вступать в бой без участия его обладателя, см.: Чибиров 2008, 134–135.

xædmæl | xwædmæl ‘дохлый’, ‘околевший’ (о животных, умерших без истечения крови, «своей смертью»; мясо такого животного считалось непригодным для еды)... (Абаев IV, 157). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *mælyn* ‘умирать’. «Аналогичные выражения, означающие естественную (не насильственную) смерть в применении также к человеку, имеются в других иранских языках» — древнеперсидском, белуджском, персидском. В. И. Абаев мог расширить сопоставления за счет этимологически точной славянской параллели: слав. **sъmьrtь* продолжает индоевропейское сложение **su-* / **suo-* + **mrt-* ‘своя смерть’ (Фасмер III, 686; Гамкрелидзе — Иванов ИЕ, 830; ESJS, 914–915; ср.: Трубачев 2003, 192–193, где подчеркивается этимологическое тождество **su-* ‘свой’ и **su-* ‘хороший, благой’³). Следует отметить, что в некоторых славянских языках в сложениях, по своему строению аналогичных осетинскому, компонент *sam(o)-* может обозначать не естественный характер смерти (как в укр. *самовмерлий*), а противоположный ему: словен. *satomor* — ‘самоубийство’ (впрочем, может быть, в этом случае аккуратнее было бы усмотреть развитие у *-mor* семантики ‘убийство’ на базе значения ‘смерть’, то есть разовое, ad hoc, «обогащение» последнего семантическим признаком ‘насильственный’?).

xædnærgæ (иронск.): [фолькл.] *xædnærgæ topp* «самогремящее ружье», ‘ружье-самострел’ (Абаев IV, 157). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *næryn* ‘греть’. К семантике целого ср. рус. *самострел*, *самопал*. Параллельное осетинскому соединение значений от-

дельных компонентов обнаруживается в сложениях типа фолькл. *само-гуды* ‘гусли’, *самогласные* (гусельки) (Даль² IV: 133), далее **samogols-* ‘гласный, гласная’ (фонетический термин) в разных современных славянских языках (болг., макед. *самогласка*, сербохорв. *самогласан*, *самогласник*, словен. *samoglasnik* и проч.).

xædr̥az | xwædr̥azi ‘непосредственно перед’ (Абаев IV, 158). Сложение *xæd-* ‘сам-’ и *raz* ‘перёд’ (существительное), ‘перед’ (послелог); последнее как во временном (‘раньше, до, накануне’), так и — преимущественно — в пространственном значениях (Абаев II, 354). Использование в конструкциях с подобной семантикой прилагательного-местоимения *сам(ый)* в русском языке (как и других славянских) обычно: *перед самыми воротами*, *до самого дома*, *перед самой войной*, *до самой смерти*. Однако в осетинском языке *xæd-*, эквивалентное русскому *самый*, употребляется не только в составе сложного послелога, служащего для передачи значений ‘непосредственного преднахождения’ и, так сказать, ‘непосредственной предслучаемости’, но и в составе аналогично устроенного антонимичного послелога *xædfæstæ | xwædfæstæ*, передающего значения ‘непосредственно позади’, ‘вслед (за)’, ‘непосредственно после’ (Абаев IV, 156). В русском языке, по крайней мере в литературном идиоме, выражения **за самыми воротами* (**позади самых ворот*), **после самой войны* не разрешены, в подобных случаях применимо наречие *сразу* (часто сопровождаемое частицей *же*): *сразу за воротами*, *сразу же после войны*.

xæzar | xæzagæ ‘дом’, ‘сакля’, ‘жилище’, ‘главное жилое помещение сакли, где горит очаг’, ‘домашнее хозяйство’; термин является в равной мере архитектурным, социальным и хозяйственным (Абаев IV, 159). (а) Последнее замечание вполне применимо и к слав. **domъ*. Об этом семантическом узле и трудностях отождествления (/ разграничения) и.-е. **domos* / **domus* ‘дом; семья’ и **detō* ‘строить, сооружать’ см.: Бенвенист 1995, 196–; специально на иранском материале и весьма детально: Додухудоева 2005, 214–. Не лишено интереса то обстоятельство, что в русском, например, языке — если не принимать во внимание специальных, казённо-терминологических подсистем — очень мало производных, включая сложные слова, от *дом* в значении ‘сооружение, постройка, здание’ (а имеющиеся, вроде *домостроительный (комбинат)*, носят отчетливо поздний характер): большинство производных развивает семантику ‘семья’ и ‘хозяйство’. Весьма похожая картина рисуется В. И. Абаевым

в списке осетинских дериватов *xæzar* и словосочетаний с ним, предваряющем иллюстративную часть комментируемой словарной статьи. (б) Этимологию осет. *xæzar*, которая соотносит исход слова с *car* ‘крыша’, В. И. Абаев подкрепляет отсылкой к этимологической связанности ирл. *tech* ‘дом’ и лат. *tectum* ‘крыша’, но также ‘дом, жилище, убежище’ (← *tego* ‘крыть, покрывать’). Аналогичное семантическое развитие — у слав. **krovъ* → рус. *кров*, ст.-слав. *крьвъ* ‘крыша, кровля’ и ‘жилище’ (Ст.-слав. Словарь, 294), сербохорв. *крѡв* ‘крыша, кровля’ и ‘прибежище, кров’, чешск. *krov* ‘крыша’ и ‘кров, приют’ и др., болг. *покрив* ‘крыша’ и *бащин покрив* ‘отчий дом’, далее — фразеология, базирующаяся на расширительном осмыслении ‘крыши’ как ‘дома, постоянного прибежища’ (ср.: Журавлев 1996, 129): *иметь крышу над головой*, польск. *mieć dach nad głową*, кашуб. *ni tecz daku nad głowō* (Sychta I, 185), чешск. *nemít vlastní střechu nad hlavou*, болг. *имам покрив над главата си* и под. Впрочем, эти семантические эволюции вполне тривиальны.

xæjræg ‘черт’, ‘дьявол’, ‘бес’ (Абаев IV, 163). «Употребительны были также эвфемистические наименования черта: *ænæzæġinag* ‘неназываемый’, *sajægoj* ‘обманщик’». (а) Запреты на произнесение имени нечистой силы имеют едва ли не универсальный характер. С осет. *ænæzæġinag* напрямую сравнимы строящиеся на «металингвистических» посылках славянские однословные номинации демонов вроде сербохорв. *nespomēnica* ‘непоминаемая, неназываемая’ — о «вештице», полуженщине-полудемоне, близком восточнославянской ведьме, *непоменик* ‘черт’ (РЈА X, 77; Раденковић 1999, 384; *Чёрт* // Славянские древности 5), или витебск. *безыменьщик (лесовой)* (Романов 1891, 4; ср. Черепанова 1983, 57), воронеж. *безыменная* — о демоне-лихорадке (Юдин 1997, 255). Не менее обычны обыгрывающие ту же материю оговорки типа рус. *не к ночи будь помянут* — о чёрте, уклончивые обозначения предикативного характера вроде укр. *тот, що не вільно нагадувати, той, не при хаті згадуючи*, — вместо *чорт* (Хобзей 2002, 67; Славянские древности 5), обиняковые номинации с утраченной предикативностью вроде волог. *не баское имя* — «говорится вм. слова “черт”» (СРНГ 2, 133; 20, 104). Ср. еще неэвфемистическое (?) арханг. *бэзымень* ‘привидение, двойник’ («По нар<о>дн<ому> поверью, во всем походит на человека, но, по безличью, носит личину, а своего лица у него нет» — Даль² I, 80); влад. *безымянный* ‘мертворожденный’ (СРНГ 2, 205); младенцы, родившиеся мертвыми, во многих культурах рассматри-

ваются как добыча злых сил, в местных христианских традициях, славянских в том числе, самим фактом некрещения и неполучения имени они приравняются к нечистой силе (см.: Славянские древности 2, 86–88). (б) Идея лживости, лежащая в основе осет. *sajægoj*, может быть усмотрена в распространенном именовании дьявола *лукавый*, в русском языке — церковнославянского происхождения, в конце концов калькирующем греч. *διάβολος* ← *διαβάλλω* ‘клеветать’. Ср. также *оболгатель*, *клеветник*: «Дьяволь, *оболгатель*, оболга бо Бога ко Адаму...» (СлРЯ XI–XVII вв. 12.: 121); «дївол, *оболгатель*» (Лаврентій Зизаній, 43); «*diabolus*, дьяволь, *клеветникъ*» (Славинецкий, 162).

xæk' yrc | xæk' urc ‘икота’, ‘всхлипывание’; *xæk' yrccæg id.*; *xæk' yrc kænyu* ‘икать’; *xæk' yrccæj kænyu* ‘плакать всхлипывая’ (Абаев IV, 164). «Звукоподражание, точнее — сращение двух звукоподражаний: *xæk* и *k' urc*. Звукотип НК отмечен для “икоты” и в некоторых других языках: каб<ард>. *xäk'ä*, авар. *yek'di*, нем. (диал.) *Hicken*, англ. *hiccup*, фр<анц>. *hoquet*». Иллюстрации В. И. Абаева незатруднительно могут быть продолжены славянскими примерами: рус. (мне) *гикнулось* ‘икнулось’ (Даль² I, 349), укр. *гикати* ‘икать’ (Гринченко I, 282), диал. *загика*, *гикало*, *гикавець*, *загикливець* (Дзендзелівський 1987, 186), словен. *hikati* ‘рыдать’ (Pleteršnik I, 266), в.-луж. *hikać* ‘икать’, ‘рыдать, всхлипывать’ (Pfuhl, 201; Трофимович, 51), н.-луж. *hykaś* ‘икать’ (Мука I, 475) (к **ǰkati*, ЭССЯ 8, 215–216); с семантикой рус. диал. (смол.) *гукать* ‘издавать характерные для агонии человека звуки, которые, по народным представлениям, означают зов родителей и являются последним моментом кончины (об умирающем)’ (СРНГ 7, 212) ср. арханг. *икота смертная* ‘истерическое нервное заболевание, при котором во время припадков наступает смерть больного’ (СРНГ 12, 181).

xælwzux | xælewzux ‘ротозей’ (Абаев IV, 169). Сложение *xælw* ‘расставленный, раздвинутый врозь; разинутый’ и *zux* ‘рот’. Ср. рус. *ротозей* с зеркальным в сравнении с осетинским словом расположением корневых компонентов. Прямое структурное подобие — в рус. диал. *зеворót* ‘зевака, разиня, ротозей’, *зеворótить*, *зеворótка*, *зеворótый*, *зеворótье* (Даль² I, 698; СРНГ 11, 244; Новг. словарь 3, 92), у М. Шолохова в «Тихом Доне» — *зевлоротый* (о собаках: видимо, ‘с постоянно раскрытой пастью’)

xælwæræg | xælawr ‘паук’, ‘*aranea*’... (Абаев IV, 170). «Следует делить *xæl+war-æg*. В первой части — *xal* ‘нить’ (с ослаблением гласного...). Вторая часть (*war | ur*), быть может, сопо-

ставима с *ar-* в гр<еч.> ἀράχνη ‘паук’ и предполагает значение “плести”, “ткать” (*xæl-waræg* “плетущий нить”)» (греческое слово, с сомнениями, возводится к и.-е. **arə-k-snā*: **ar-* ‘связывать’, **snē* ‘прясть’; Pokorny I, 61). Мотивированность, усмотренная В. И. Абаевым для осетинского названия паука, может быть типологически подкреплена довольно древним словом **mězgyrь* ‘паук’ (праславянский диалектизм: рус. *мизгирь* ‘паук’, укр. *мизгирь* ‘тарантул’), для которого предложено этимологическое соотнесение с балтийскими и германскими фактами: лит. *mezgù, mezgiau, mėgzi* ‘вязать, завязывать’, *māzgas* ‘узел’ и др. (см.: Fraenkel I, 426–427), др.-в.-нем. *māscā* ‘петля’ (совр. нем. *Masche* то же), др.-исл. *mǫskvi* то же. Тем самым реконструируется деривационная цепочка ***mezgti* ‘плести’ → ***mězga* ‘сеть, паутина’ → **mězgyrь* ‘паук’ (подробнее: Фасмер II, 619–620; ЭССЯ 18, 226–227). «Прядильно-плетельно-ткаческие» ассоциации, кладущиеся в основу названия паука, этим кругом языков, разумеется, не замыкаются: они присутствуют, например, в лит. *vóras* от *vėrti* — к и.-е. **uer-* ‘вязать’ (Fraenkel II, 1274; Pokorny I, 1150); в новогреч. ἀνοφαντής ‘ткач’ — ‘паук-ткач’; в германских (нем. *Spinne* и др.) и кельтских (ср.-кимр. *cy-ffiniden*) обозначениях паука, возводимых к и.-е. **spen-* ‘тянуть, натягивать, прясть’ (Pokorny I, 988; Kluge²⁰, 727); в абхаз. *a-bizkatak* ‘паук’, буквально ‘язык’ + ‘сеть’ + ‘ткать’ (Климов — Халилов 2003, 240–241); в кит. *zhīzhu* ‘паук’ на базе *zhī* ‘ткать; вязать; плести’...

xæræg ‘осел’, ‘ишак’; ... *xærægǵædæ* ‘брус-подставка’ (Абаев IV, 176). «Об использовании слова “осел” в значении “подставка”, “опора” и т. п. см. *axxæræg* ‘главная потолочная балка’ из *ag-xæræg* (*ag* ‘котел’) “балка, к которой подвешивался котел”». К показанным В. И. Абаевым (с. 178) грузинскому и уйгурскому примерам подобных метафор (см. еще Абаев I, 94) можно было добавить славянские. Ввиду их обилия здесь достаточно ограничиться некоторыми русскими; ср. *быки* ‘мостовые опоры’, диал. ‘стропила крыши’, *бычóк* ‘деревянная подпора в конструкции избы’ (СРНГ 3, 343, 357–358), *кóзлы, козёл* ‘спортивный снаряд: брус на ножках’, диал. ‘козлы для пилки дров’, ‘простейшая пристань, мостки на козлах’, *козá* ‘козлы для пилки дров’, ‘станок кустаря-игрушечника, служащий опорой для обрабатываемого изделия’ (СРНГ 14, 57, 59), *кобылка* ‘деревянная подставка под струны’, диал. *кобы́ла* ‘козлы для пилки дров’, ‘приспособление в виде длинного бревна на четырех ножках, на котором молотят снопы’, ‘у скорняков — наискось установленная доска, козлы

для обработки овчин и кож', в сходных значениях *кобылѣнки* мн., *кобыліна*, *кобылінка*, *кобылка*, *кобыльница* (СРНГ 14, 17–22), диал. *конѣк* 'продольный брус на гребне крыши', 'приступок для лазанья на печку', 'переносной станок для ружья у охотника' («Стрелять-то с конька хорошо, но его надо таскать»), *кѡник* с многочисленными конкретизациями значения 'конструктивная опора', *конь* 'верхняя слега или балка на стыке крыши', 'продольный деревянный брус на речных судах, укрепленный на двух стойках', *коня* то же (СРНГ 14, 251, 257, 275, 279), диал. *баран* 'козлы, на которых пилят дрова', 'толстый брус, поддерживающий потолок в различных постройках' (СРНГ 2, 104–105). Обращает на себя внимание та подробность, что по большей части в подобную метафорику вовлекаются названия самцов домашних животных (не обязательно тягловых или вьючных, что было бы слишком простым её объяснением, ср. *козѣл*, *баран*); ср. далее *самец* 'в машинах — стойка, стояк, бабка' (Даль² IV, 132), *самцы* («служат замест стропил», Там же) с производными *самцовая слега* 'остов крыши, горизонтальная длинная жердь, обрешетина, положенная на стропила крыши', *самцовая сторона* 'сторона строения, где концы жердей, образующие каркас крыши, положены на концы бревен фронтона' (влад., СРНГ 36, 113–114). Тем любопытнее случай использования слова *самка* для значения 'одно из бревен потолка в избе' — так же, по всей видимости, опорное (шенкур. арханг. СРНГ 36, 76). Об ирон. *аххæтæг* 'матица', 'главная потолочная балка' см. также: Абаев I, 94 и наш комментарий к этой статье (Slavo-ossetica I, 258).

хæтзгæтæг | хвæтзгæтæг 'делающий кому-либо добро', 'благодетель' (Абаев IV, 186). «См. *хорз* и *кæтун*» ('хороший; добро' + 'делать'). Весьма стандартное соединение смыслов в пределах одного слова, известное множеству языков (греч. *εὐεργέτης*, *ἄγαθοεργός*, лат. *benefactor*, нем. *Wohltäter*, лит. *geradarys*, лтш. *labdaris*, финск. *hyväntekijä*), в том числе славянских: ст.-слав. **благодѣтель**, **добродѣи** прич.-прил. 'делающий добро' (Ст.-слав. словарь, 191), болг. *благотворител*, сербохорв. *добротвор*, *доброчинач* и под. (нередко кальки). Ср.: *фудгæтæг | фудгæтæг* 'злодей' (Абаев I, 492) и наш комментарий к этой статье (Slavo-ossetica I, 272).

хæтзхуз | хвæтзхуз 'умеренно полный' (о человеке), 'упитанный'... (Абаев IV, 186). Сложение *хорз* 'хороший, добрый' и *хуз* 'вид, образ, внешность'. Идея «добротности» применительно к внешности человека реализуется также в рус. *раздобреть*

‘расползеть, потолстеть, стать упитанным’, арханг. *подобрее* ‘полотще, полнее’ (СРНГ 28, 107), укр. *роздобрити*, блр. *раздабрэць* ‘растолстеть’, ср. еще принадлежащие тому же гнезду **deb-* / **dob-* прилагательные, применяемые к внешности человека, **debelъjъ* и **szdobъnjъ*.

xæssyn | xæssun, xærsun 1. ‘нести’; ... *zyrdxæssæg*... ‘доносчик’, ‘ябедник’... (Абаев IV, 188). *Zyrd* — лексикализованное пассивное причастие прошедшего времени от *zyryn* ‘говорить’, ‘звать’, т. е. ‘сказанное’ → ‘слово’; *zyrdxæssæg* базируется на фразеологизме *zyrd xæssyn* ‘доносить’. Ср. в русском языке *доносить* ‘поставлять информацию, осведомлять’, имена действия (и результатов) *донос*, *донесение* и имя деятеля *доносчик*; употребление глагола *нести* и синонимов в составе фразеологизмов *нести напраслину*, *нести ерунду* (*ахинею*, *чушь*, *околесицу*...), *нести правду*, *нести весть*, *нести слово Божье*, *разносить сплетни*, с переосмыслением — *выносить сор из избы* и под.

xæstbojnnon (иронск.) ‘беременная’ (Абаев IV, 191). Буквально ‘несущая (*xæst*, причастие от *xæssyn*) богатство (*bon*)’. Ср. слав. **nositi* с континуантами в значении ‘быть беременной’. Развитие семантики стандартно для множества языков.

xæston (иронск.) ‘воин’, ‘военный’ (Абаев IV, 191). «Лексикализованное прош. причастие от *xæsun* | *xwæsun* ‘биться’...». Прозрачная ономаσιологическая параллель — слав. **bojъsъ* (рус. *боец*, укр. *бієць*, сербохорв. *бојац* и т. д.) ← **biti* (*se*).

xætag | xætagæ ... ‘распутный’ (обычно о женщине) (Абаев IV, 191). «От *xætyn* ‘бродить’, ‘шляться’ с помощью форманта *-ag*, указывающего на постоянное свойство...» В обозначениях ‘распутницы, развратника’ ономаσιологическая опора на глаголы со значением ‘передвижения ногами’ является, наверное, самой частой, по крайней мере в славянских языках. Из-за труднообозримого количества возможных иллюстраций удовлетворимся, как и в некоторых иных случаях, сравнительно немногими русскими примерами (литературными и, не исчерпывающим образом, диалектными; последние, по достаточной представительности материала, — только из СРНГ). Кроме параллели «*шлюха* от *шляться*», которую привёл В. И. Абаев, ср.: *таскаться* → *потаскуха*, *потаскливая* (СРНГ 30, 268); *бродить* → *бродяжка*, *бродячая* (СРНГ 40, 296, в иллюстрации к статье *Спущенница*), *разбрóжая* (СРНГ 33, 271), *калабрóдница* (СРНГ 12, 332); *гулять* → *гулящая*, *гулевáнка*, *гулёна*, *гулливая*, *гульная*, *гульня*, *гуляшка* (СРНГ 7, 213, 214, 216, 219, 220, 226); *шататься* → *шату́нья*,

шатуха (Даль² IV, 623), *шатóха*; *волоч(ит)ься* → *волоку́ша*, *шельма волочащая* (фолькл.), *волоча́га*, *волочу́га*, *волочу́жка*, *выволока* (СРНГ 5, 56, 67–68, 73, 74, 258); *блудить* (в современном литературном языке глагол почти потерял широкое значение ‘бродить’ и сузил семантику до ‘плутать, не зная дороги’ и ‘развратничать’) → *блудница*, *блудня* (СРНГ 3, 30); *плутать* → *баба поплутная* (СРНГ 29, 323); *блукать*, **блыкать* → *блаку́щая девка*, *блыку́ха* (СРНГ 3, 15, 32); *ходить* → *расхо́жая* (СРНГ 34, 302), *похо́дная*, *похожа́лая*, *похожа́лка*, *похожа́йка* (СРНГ 30, 358, 360), *ходо́к* ‘мужчина, имеющий сексуальные связи с многими женщинами или постоянно изменяющий жене хотя бы с одной любовницей’; *бегать* → *бегля́нка*, *бегу́ля* (СРНГ 2, 170, 171)⁴, *побегу́шка* (СРНГ 27, 189), *оббегля́к* ‘распутник’ (СРНГ 21, 353). Идея «ходьбы, нахождения в пути» реализуется также в словах *распутница*, *беспутница* (СРНГ 2, 276), *непутка* (СРНГ 21, 136), во фразеологизмах *пойти по рукам* ‘стать распутной’, диал. *пойти в волю, за волей*, *пойти в улуд, за блудом*, *пойти в гульбу, за гульбой*, *пойти в распут (распуть)*, *пойти под ветер*, *пойти в другую (худую) сторону* ‘начать распутничать’ (СРНГ 28, 360; 34: 193). Нетрудно заметить, что приведенные русские слова и выражения, называющие ‘блуд’ и ‘распутницу’ (/ ‘распутника’), строятся на неоднородных отправных семантических моментах. В частности, можно выделить смысловые зависимости ‘блуд’ ← ‘праздное шатание’, ‘блуд’ ← ‘ошибочный (далее — нравственно неверный, осуждаемый) путь’ (*беспут-*). Применительно к производным глагола **bĕgati*, по-видимому, нельзя исключать связь с семантикой ‘находиться в периоде гона, течки (о животных)’ (рус. *бĕгаться*, СРНГ 2, 170; блр. *бĕгаць*, укр. *bĕgati(ся)*, словац. диал. *behat’i sa* и проч., венг. диал. *bizs* — императив, побуждающий быка к случке, заимствование из украинского, см. Ковтюк 2007, 173), ср. устойчивые сравнения грешной сладострастницы с возбуждаемой самкой домашнего животного, вроде томск. *похотли́ва корова* — о женщине легкого поведения (СРНГ 14, 349).

xætæl 1. ‘стебель’; 2. ‘труба’, ‘трубка’; 3. ‘ствол ружья’, ‘ружье’ (на языке охотников, вместо *topp* <‘ружье’>... 4. д<игорск>. ‘свирель’ (Абаев IV, 192), также ‘трость’ (Осетинско-русский словарь 1952, 390). (а) Все эти значения имеются у континуантов праслав. **cĕv-* (**cĕva*, **cĕvъ*, **cĕvь*), первоначально обозначающего трубчатое органическое образование (стебель растения или кость животного организма), которое по обработке, в частности, сделанное полым, могло быть использовано как материал для раз-

личного рода орудий и технических приспособлений — рукоятей (ср. чуваш. *ávär*, бурят. *эшэ* ‘стебель’ и ‘ручка, рукоятка’), шпук, катушек, челноков, трубок для слива жидкостей, простейших музыкальных духовых орудий. См.: болг. *цев* ‘полый ствол растения, например, цикуты’, ст.-чешск. *сéва* ‘тростинка’, блр. диал. *цавіна* ‘стебель однолетнего растения (картофеля, помидора, щавеля и др.)’ — рус. диал. *цёвка* ‘берестяная трубочка, вставляемая в ткацкий челнок; на нее наматывается нитка’, укр. диал. *ціўка* ‘труба, дымоход’, болг. диал. *цифка* ‘отверстие пастушеского меха, через которое выпускается молоко’, чешск. *sevna* ‘лейка’ — макед. *цевка* ‘ствол ружья’, рус. *цевьё* ‘верхняя часть ружейного ложа’ — сербохорв. *sjevnica* ‘tibia, свирель’, рус. (в поэзии) *цевница* ‘флейта, свирель’, но также церк.-слав. *цѣвьница* ‘струна’ (свод слов и значений с этим корнем см. в: ЭССЯ 3, 190–194). (б) Синекдохический сдвиг *ствол* ‘единица огнестрельного оружия’ (‘винтовка’, ‘пистолет’ и проч.) широко применим в современном русском языке. Как счётные единицы рассматриваются *штык* и *сабля*, но уже для определения величины личного состава соединения или подразделения: «Численность армии простиралась до 40 тысяч штыков и сабель» (А. Деникин, «Очерки русской смуты», т. IV); «...отряд антоновцев — сабель в 250...» (А. Солженицын, «На краях»).

xætyn | xætun 1. ‘бродить’, ‘бродяжничать’... 2. ‘вести распутный образ жизни’ (Абаев IV, 193). «Вероятно, *medium* к *ʰxatun* ‘поворачивать’». Ср. принадлежность ст.-слав., церк.-слав. **развратъ** (праслав. **orzvortъ*) словообразовательному гнезду **vort-* / **vьrt-* с отправной семантикой вращения, исключительно богатой потенциями развития.

²**xīl | xelæ** ‘злак’ (?); только в сочетании *xīl kūvyn | xelæ kovun* ‘совершать благодарственную молитву после первого сжатого снопа’ (Абаев IV, 200–201). «Вероятно, идентично с *ʰxīl* <‘волос’>». Если семантическая реконструкция ‘злак’ и суждение В. И. Абаева об этимологическом тождестве упоминаемых слов верны, то этой паре (‘волос’: ‘растение’) можно привести огромное количество смысловых параллелей в самых разных языках, в том числе, конечно, и славянских. Эти семантические связи берут основание в мифосозидательном моделировании мира с помощью антропоморфического кода. Подробно см.: Журавлев 2005, 101–107.

xīlag (xīlæg) | xelagæ ‘змея’; эвфемизм вместо *kalm* (Абаев IV, 201). «Причастие на *-ag (-æg)* | *-agæ* от *xīlyn | xelun* ‘ползти’,

буквально “ползучий”». Кроме напрашивающейся аналогии *полз* (змея): *ползти* / *ползать*, приводимой В. И. Абаевым, можно упомянуть рус. диал. *ползун* ‘змея’, ‘гусеница’, *ползучка* ‘змея’, *поползень* ‘большая змея’, *поползучая* сущ. ‘змея’ (СРНГ 29, 67, 68, 330, 331); новг. *поплавушка* ‘змея’ (СРНГ 29, 319) ← *плáвать* ‘ползать’ («выйдут поплавушки!»), ср. *поплыть* ‘поползти (о змее)’ (СРНГ 27, 65; 29, 323; Словарь Карелии 4, 528), *подплыть* ‘подползти’ (? — «Подплыла змея да подземельная» в фольклорных текстах олонцкого собрания Гильфердинга, СРНГ 32, 172, статья *Пролизнуть*); сербохорв. *гмѝзавци* ‘пресмыкающиеся’ ← *гмѝзати*, *гмѝзити* ‘ползать, пресмыкаться’; ст.-чешск. *lazik* ‘пресмыкающееся’ (Gebauer II, 211) ← *laziti* ‘лезть, ползти’, ср. словац. *lezák* ‘гусеница’ (Картотека Словацкого исторического словаря Института языкознания им. Л. Штура в Братиславе, цит. по: ЭССЯ 15, 34) ← **lezti*, словац. *liezti* ‘ползти’. Семантическая модель распространенная, ср. др.-инд. *sarpa* ‘змея’ ← *sarp* ‘ползти’, тюрк. *йылан* ‘змея’ ← *йыл-* ‘ползти’ (ЭСТЯ Ж, Ж, Й, 277). Стоит отметить, что описательные наименования змеи семасиологи-историки трактуют как эвфемизмы в большинстве случаев.

xīstær | **xestær** ‘старший’; ант<оним> **kæstær** ‘младший’; **xīstær** *k’ūx*, **xīstær æng ylz** ‘большой палец’ (ср. **kæstær** *k’ūx* ‘мизинец’) (Абаев IV, 204). Эпитеты **xīstær** и **kæstær** и их производные фигурируют преимущественно в сочетаниях с именами родства (детей, братьев и сестер в первую очередь) и социальных ролей, обозначая различия по положению и возрасту (см. Осетинско-русский словарь 1952, 198, 392). Для славянских языков также характерно вовлечение прилагательного ‘младший’, точнее деадъективного существительного со значением ‘младший сын’, в группу наименований телесных членов, именно пальцев: ***mězinьсь**, ***mězinькъ**, ***mězinька** и др. (← ***mězinьjь** ‘меньший, младший’) ‘последний ребенок в семье — мальчик’, ‘младший брат’, ‘младшая дочь’, с одной стороны, и ‘самый маленький палец на руке’, редко ‘палец между маленьким и средним’, ‘палец средний или палец рядом с мизинцем’, с другой (Трубачев 2008 (1960), 64–66; ЭССЯ 18, 227–232). О первичности социального термина по отношению к анатомическому говорит предложенный в упомянутых исследованиях историко-семантический анализ и ряд формальных моментов, в частности, суффикс *-in-*, «как правило, оформляющий притяжательные прилагательные и прилагательные, обозначающие принадлежность к группе (социальной или возрастной): ***l’udinь**, ***čel’adinь**» (ЭССЯ 18, 227). «Олицетворение» пальцев

руки в известной русской потешке явно сравнивает их с детьми, членами одной семьи — братьями и, возможно, сестрами: взрослый водит указательным пальцем по ладошке дитяти со словами: «Сорока-ворона / Кашку варила, / На порог скакала, / Гостей созывала. / Гости не бывали, / Каши не едали, / Всю свою кашу / Сорока-ворона / Деткам отдала. (Далее ребенку загибают пальчики, воспроизводя манеру пальцевого счета.) Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / А этому не дала: / Зачем дров не пилил? / Зачем воду не носил?» (один из многих текстуальных вариантов). Упомянутое О. Н. Трубачевым выражение *мальчик-с-пальчик* показывает обратный вектор сравнения («константа» — ‘палец’) и аргументом в пользу первичности социального значения не оказывается. К связи разбираемой социальной и анатомической лексики ср. др.-инд. *kāniṣṭhā* ‘самый маленький; самый молодой’, (m.) ‘младший брат’ — *kaniṣṭhā* (f.) ‘мизинец’, ‘самая молодая жена’ (Кочергина, 148).

xos | **xwæsæ** 1. ‘сено’; 2. ‘лекарство’...; 3. ‘вообще ‘средство’...; *toppyxos* ‘порох’ («ружейное средство»)... (Абаев IV, 220). «Восходит к **xuwāstra* “добрая (*hu-*) трава (*wāstra*)”». (а) В семантическом плане ср. значения рус. *зелье* (*зелие*, также *зель*; праслав. **zель*, **zельje*): в СлРЯ (5, 371–372): 1. ‘злак, трава, растение’ (в памятниках с XI–XII вв.), *зелие травное*; 3. ‘лекарство, трава, напиток для лечения наговором, заклинанием’ (в памятниках с XIV в.); 5. ‘порох’ (в памятниках с XVI в.), *зелье пищальное, пушечное, ручное* (последнее значение, в целом будучи чуждым народным говорам, может сохраняться ими в производных: донск. — очевидно книжного или канцелярского происхождения — *зелёйная казна* ‘запасы пороха’, СРНГ 11, 246). В других славянских языках значение ‘лекарственные травы’ (укр. *зілля*, блр. *зэлле*, в.-луж. *zelo*) косвенно отражается в наименованиях профессий вроде рус. фолькл. *зельщица* (СРНГ 11, 254), словен. *zeliščar* ‘знахарь’, словац. *zelinár* ‘знахарь’ (близкие образования чаще несут значения ‘огородник’, торговец зеленью). (б) С осетинским синтагматическим соединением смыслов ‘добрый’ и ‘трава, растение’ ср. рус. *благозельный* ‘благоприятный для произрастания растений, плодородный’ (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 203: «О полонении Иерусалима» Флавия), являющееся приблизительной калькой греч. εἰβοτος ‘обильный хорошими пастбищами’.

***xsīd** | **æxsæd** ‘заря’... (Абаев IV, 233–234). «Иранский корень *xšay-* совмещал два значения: ‘сиять’ и ‘властвовать’». В русских текстах соприкасаемость этих значений нагляднейшим образом

сказалась в одах М. Ломоносова, адресованных императрице Елисавете: «Да в сей толь кратко день *на троне воссияешь*», «Когда Елисавет России воссияла». К рус. *Ваше сиятельство* (титолование князя, графа), приведенному у В. И. Абаева в качестве семантической параллели иранским фактам, следует добавить *Ваша светлость* (титолование младших детей правнуков императора и их мужского потомства, а также *светлейших* князей по пожалованию).

**xsisk* (иронск.) название сорняка — ‘свинойрой’, ‘*Cynodon*’ (Абаев IV, 237). «Этимологически идентично с *sisk* ‘сорт ячменя’, *sysky* ‘овес’». Названия сорняков и в славянских языках нередко связаны (словообразовательно или, иной раз, чего здесь можно не касаться, добавлением дифференцирующего прилагательного) с наименованиями культивируемых злаков: рус. *овсюг*, *житняк*, диал. *житёц* ‘*Bromus secalinus* L. <, костёр ржаной>’ (СРНГ 9, 189–190), *пшенёц* ‘растение *Lolium perenne* L., сем. злаковых; плевел многолетний’ (СРНГ 33, 182), укр. *вівсуг*, диал. *вівсуга*, *вівсук* ‘овсюг’, *житёць* ‘житняк’ (Гринченко I, 203, 485; Онишкевич I, 116; Дзэндзелівський 1987, 13; Сабадош 1996, 111, 148), *жытнички* ‘*Centaurea cyanus* L., василек синий’ (Бейлина 1968, 420–421), блр. диал. *жыцець* / *жыцёц*, *жытніца*, *жыцвіца*, *жыцік*, *жыціца* ‘житняк’ (Носович I, 156; Сл. паўночн.-заход. Беларусі 2, 169–170), польск. *owsik* ‘овсюг’ и под.

**xsyr* | *æxsir* ‘молоко’; ... *xsyry sær(tæ)* ‘сливки’ («верхушки молока»); *xsyry cad* ‘молочное озеро’ (в сказке); *xsyræg*, *xsyrgærdæg*, *k_oузæxsyr* ‘молочай’, ‘*Lactuca*’ (Абаев IV, 241–242). (а) С мотивационным устройством осет. *xsyry sær(tæ)*, где послелог *sær* значит ‘на, над, через, поверх, сверху’, переключаются слав. **vrxъ/-ху*, **vbršькъ/-ку* ‘верх, верхи’, **vbršina* (рус. диал. *вершина* — СРНГ 4, 173) и др. → ‘вершки, сливки; сметана’. Ср. также рус. диал. *настой*, *на-сядок* ‘сливки’ (СРНГ 20, 193, 213) как антонимы словам *отстой*, *осадок*. (б) Со словосочетанием *xsyry cad* ср. *молочные реки* (, *кисельные берега*) русских сказок, с соответствиями во многих других фольклорных традициях. (в) Во многих языках названия ‘латука’ (*Lactuca*), ‘молочая’ (*Euphorbia*), ‘одуванчика’ (*Taraxacum*) и ряда других растений мотивированы выделением ими на сломе стебля белого непрозрачного сока, похожего на молоко. Широкая распространенность таких растений, наглядность ономаσιологического импульса и формальное неоднобразие ботанических народных терминов делает затруднительными, если не вообще излишними, суждения об их калькированности

с некоего единого образца. Ср. многочисленность однословных форм, сводимых едва ли не к праязыковому возрастному уровню, в славянских языках и диалектах: **melko* ‘молоко’ (→ рус. диал. *моло́ка* ‘молочай’) → **melčajъ*, **melčакъ*, **melčавъ* (прил. → сербохорв. *млѣчавац* ‘растение *Sonchus*, осот’, в.-луж. *mlóčawka* ‘растение с молочным соком’), **melčevъ(jь)* (прил. → сербохорв. диал. *mlječevina* ‘растение *Euphorbia*’), **melчь*, **melчьсь*, **melчьje*, **melчька*, **melчько*, **melчькъ*, **melчьница*, **melчьникъ*, **melkojědъ* (рус. диал. *молокоéd* ‘молочай’) (ЭССЯ 18, 74–80, 88). Столь же многочисленны славянские фразеологизмы с тою же ботанической семантикой, включающие существительное **melko* (**melчь*) или прилагательное **melчьнь(jь)*. Ограничимся лишь малым числом примеров: рус. диал. *молочная трава* ‘*Euphorbia*’, ‘*Taraxacum*’ (СРНГ 18, 247), словац. диал. *mliešnuo ziel'a* ‘*Taraxacum officinale*’ (Sloven. nár. II, 175; буквально ‘молочная трава’); чешск. диал. *hadí* ‘змеиное’, *kani* ‘канюче, сарычѣво’, *kozi* ‘козье’, *zaječí* ‘заячье’, *zabí* ‘жабье’) *mléko* ‘*Euphorbia*’, ‘*Sonchus*’ (Hladká 2000, 143), кашуб. *vilči* ‘волчий’) *mlěc* ‘козелец, *Scorzonera humilis* L.’ (Sychta III, 87), рус. диал. *гадючье молоко* ‘одуванчик’ (Сл. донск. казачества, 101), укр. *песяче, суче, котяче, кізе* ‘козье’, *канє молоко* (Сабадош 1996, 154–155), полесск. *бу́слово* ‘аистово’, *вужо́ве* ‘ужиное’) *молоко* ‘*Euphorbia suparisiensis* L., молочай кипарисовый’ (Бейлина 1968, 426). Славянским фразеологизмам с притяжательными прилагательными, образованными от названий животных, семантически параллельно осет. *kъузæхсур* ‘молочай’, в буквальном переводе ‘собачье молоко’ (*kъуз* — ‘собака’). Более пространный, чем здесь, но вовсе не исчерпывающий материал, перечень славянских фитонимов, мотивированных названиями ‘молока’ см. в: Журавлев 2005, 381 (там же — ряд неславянских ономаσιологических параллелей).

xubezæstæ (дигорск.) ‘пригоршня’; *xubezæstæj* ‘пригоршней’, ‘пригоршнями’ (Абаев IV, 243). «...восходит закономерно к **ubai-zastā* „обе руки“. Слово это примечательно тем, что оба его компонента, хорошо известные по другим индоевропейским языкам <ср. авест. *uwa*, др.-инд. *ubhá* ‘оба, двое’, авест. *zasta-*, др.-инд. *hasta-* ‘рука’. — А. Ж.>, в осетинском нигде более не встречаются». Соединение основ со значениями ‘оба, обе’ и ‘рука’ в однословном образовании отмечено во многих славянских языках — сербско-хорватском, словенском, чешском, словацком, польском, восточнославянских — как продолжение праславянских форм **obě-ръкъ(jь)*, **obě-ръць*, **obě-ръцьнь(jь)* (ЭССЯ 26, 185–186; ср.:

Skok III, 170; Brückner, 369; ЭСБМ I, 47; Преображенский I, 625).

xūrærdyn (иронск.) ‘радуга’; чаще *arværdyn* (Абаев IV, 248). О славянской параллели осетинскому *arvyrdyn*, буквально ‘небесный лук’, см.: Slavo-ossetica I, 256.

xūrnyg_oyld ‘закат солнца’; д<игорск.> *xoræftud* id. (Абаев IV, 248). О семантической параллели дигорскому слову см.: Slavo-ossetica I, 260.

²**x_oy** | **ху** ‘небольшая копна’... (Абаев IV, 255). «Идентично с ¹**x_oy** ‘свинья’». Приведа цитату из статьи Рольфса «Sprache und Kultur», где крайне обрывочно упоминаются термины в европейских языках для укладок сена и сжатого хлеба, являющиеся переносными употреблениями наименований разного домашнего скота (‘Pferd’, ‘Esel’, ‘Kuh’, ‘Schwein’, ‘Ziege’, ‘Gänschen’), В. И. Абаев из богатого русского материала выбрал только точные в ономаσιологическом отношении параллели комментируемому осетинскому термину: *боров, боровок, кабан, свинка*. Однако общая картина метафорических операций в описываемой хозяйственной терминологии в результате оказывается сильно зауженной и предьявленной односторонне. Узкую собственно «свиную» тему можно расширить словом *рюха* (сев.-рус. ‘свинья’ и приангар. ‘укладка снопов (пшеницы или ржи)’), а из числа прочих следует упомянуть построенные на семантическом переносе термины *баран, кабан* (и производные), *кобыла* (и производные), *коза / козёл* (и производные), *собачка* и даже *медведка* (СРНГ 2, 105; 12, 281–282; 14, 18–21, 57, 59, 68–69; 18, 65; 35, 328; 39, 148). Похожая метафорика наблюдается и в иных славянских языках. Нетрудно обнаружить, что русские названия укладок хлебных снопов и сена сильно пересекаются с метафорическими названиями всевозможных технических приспособлений, внешне подобных скамье: *козел* для пилки дров, свай, стояков с перекладинами, мостков и проч. (*баран, кобыла* и производные, *коза, козлы, медведка, собачка*). Вряд ли поэтому от перечисленных наименований нужно отлучать и ‘скамью’: ср. иван., влад. *скамья́*, *скамейка́* ‘вид укладки снопов зерновых культур’, арханг. *скамья́*, *скамейка́*, иркут. *скамня́* ‘козлы для пилки дров’ — и (!) донск., моск., иван. *скамейка́* ‘лошадь’ (СРНГ 37, 383–384); не может ли *скамейка* ‘укладка снопов’ содержать двойную мотивацию — быть одновременно и результатом сдвига от одного технического значения к другому, и «зооморфной» метафорой?

²**x_oyssyn** | **xussun** ‘гаснуть’, ‘тухнуть’... (Абаев IV, 272). «Идентично с ¹**x_oyssyn** <‘спать’>...». В русских диалектах метафориче-

ская передача значения 'прекратиться, утратить активность' через идею «засыпания» более применима, кажется, к стихии водной, чем огненной: твер. *zasnúť* 'замерзнуть (о водоеме)', забайкал. *zasyńátʹ* 'замерзать (о воде)': «Однако, паря, Байкал-от засыпает? А у вас коли он заснул?» (СРНГ 11, 47, 79). См.: Журавлев 2005, 297. Впрочем, об огнедышащих горах говорят: *вулкан проснулся*, но в этом случае не столько олицетворяется собственно огонь, сколько в образе живого организма предстает земля.

yvzag | ævzag 'язык' (1. 'tongue', 2. 'language') ... (Абаев IV, 279). (а) В случае с 'языком' развитие значений от анатомического к лингвистическому весьма обычно. (б) Соединение значений в приводимом В. И. Абаевым осет. *cyrgævzag* 'острый на язык' (*цырзь* 'острый') также чрезвычайно распространено. В иллюстрациях необходимости нет.

zænægdon | zænægdonæ 'матка', 'uterus' (Абаев IV, 297). «Собственно „вместилище (*don*) детей (*zænæg*)“». Ср. укр. диал. *дитинник* (анатомич.) 'матка', ст.-чешск. *dětinec* 'матка' (цит. по: ЭССЯ 5, 15), далее двусловные обозначения типа рус. *детское место* 'матка', 'плацента'. Можно предположить, что осетинское слово является калькированным — в силу другого языкового строя структурно неточно — с груз. *sašvilosno* 'матка' (от *švili* 'дитя').

zærdæ 'сердце' (Абаев IV, 300). «Идеосемантика ос<ет>. *zærdæ* поистине необъятна. Она выходит за пределы анатомии и физиологии и включает также психическую сферу — все, что, скажем, в русском обозначается словом 'душа': не только разнообразные эмоциональные, но даже интеллектуальные состояния и проявления, сознание, память». (а) При значительном сходстве этой картины с показаниями иных языков, славянских в том числе, любопытно заметить, что коннотации соединяющихся с 'сердце' слов или основ при тождественности значений могут быть прямо противоположными. Так, если для русского языка прилагательные *большой* и *великий* в синтагматическом единстве с существительным *сердце* характеризуются очевидно положительными ассоциациями (ср.: «...человечество все больше станет нуждаться не в генералах, ученых или философах, а в людях просто *великого сердца*» — Л. Леонов. «Вор»; «Но я уповаю на великодушие Государя, умеющего как никто иной быть справедливым и добрым, твердо веря, что его прозорливость и *большое сердце* оградят невинного человека от жестокой и незаслуженной кары...» — Б. Окуджава. «Путешествие дилетан-

тов»), то в осетинском — негативными: сложное существительное *styrzærdæ* (*styr* ‘большой’) означает ‘высокомерный’ (Абаев), ‘беспечный, беззаботный’ и ‘равнодушный’ (Осетинско-русский словарь 1952, 310). (б) С иронск. *zærdæxalæn* ‘душераздирающий’ (*xalyn* ‘разрушать, деформировать’) ср. болг. *сърцераздирателен*, чешск. *srdcervouci, srdcelomný*, словац. *srdcervúci, srdcelomný*. И в осетинском и в славянских примерах более чем вероятно почечное калькирование (ср. нем. *herzzerreißend* ‘душераздирающий’ и проч.), в осетинском, если иметь в виду цитированное выше соображение В. И. Абаева, — непосредственно с русского образца, несмотря на отсутствие прямой смысловой эквивалентности между *zærdæ* и *душа*.

zærdæniz ‘сердечная боль’, ‘сердечная тоска’ (Абаев IV, 301). Слово типа *tatruḡuṣa*, сложение *zærdæ* ‘сердце’ и *niz* ‘болезнь; боль’. С формальной стороны параллельно славянским сложениям **sъrdobolъ*, **sъrdobol’a*, **sъrdobolъje*: ст.-слав. **сръдобола** ‘родня, родственники’ (Ст.-слав. словарь, 621), рус. *сёрдоболие* ‘сердечное участие, сострадание, жалость и старание о помощи’, *сёрдобольный*, *сёрдобол(ен)ка* ‘женщина, посвятившая себя уходу за больными, ранеными’, *сёрдобольничать* ‘посвятить себя этому делу’, насмешл. ‘заботиться о чужом, где не просят, упуская свое’ (Даль² IV, 175), сербохорв. *срдѳобѳола* ‘дизентерия, кровавый понос’ (где ‘сердце’ → ‘внутренности’, ср. *он је слаб на срцу* ‘он страдает желудком’). Семантически осетинскому более близки позднейшие однословные славянские образования с суффиксированной первой основой — болг. *сърцебол* ‘сердечная боль’, сербохорв. *срѳобѳола* ‘болезнь сердца’.

zylyn | *zulun* 1. ‘кривой’... 2. ‘неправый’, ‘виноватый’ (Абаев IV, 320). Отношения между значениями (1) и (2) настолько близки хорошо известным фактам других языков, что приводить пространный славянский материал, могущий служить семантически параллелями осетинским примерам, нет никакой необходимости. Поэтому ограничимся лишь отсылкой к многочисленным позициям на *крив-* русских исторических словарей и диалектного сводного лексикона (СДРЯ IV, 295–297; СлРЯ XI–XVII вв. 8, 53–56; СРНГ 15, 241–252), особо, впрочем, выделив др.-рус. *кривьда* ‘неправда, несправедливость’ и *кривьць* ‘виновник, ответчик’. О слав. **kriv-* специально см.: Толстая 1998.

zyr | *zuræ* ‘моренный камень’ (Абаев IV, 324). «Возможно, следует связать с *zyryn* | *zurun* ‘кружить’ в смысле ‘округлый, обкатанный камень’. Ср. по семантике рус. *кругляк, круглыш id.*».

В качестве смысловой параллели следует привлечь производные от **katati*, **obkatati*: рус. *ока́тыш*, *ока́ток* ‘оглаженный временем камень; валун, крупный булыжник’ (Даль² II, 587), диал. *ока́т* ‘галька’ (СРНГ 23, 114). В семантическом плане сюда, несомненно, необходимо отнести и слово *валун* ‘камень крепкой породы... , оглаженный и округленный природою, окатыш’ (Даль² I, 162)⁵. Из неславянских семантических схождений см. лит. *riedulys* ‘валун; булыжник; голыш’ — в связи с *riedėti* ‘катиться’.

Дополнение

k'ül | k'olæ ...; k'ūlybadæg 1. ‘баловень’, 2. ‘колдунья’ (буквально ‘домосед’) (Абаев I, 639). (а) К внутренней форме ‘домосед’ у названий нечистой силы или, точнее, лиц, находящихся в сношениях с нею, ср. рус. диал. (новг.) *домоседушко* ‘то же, что домовик... = по суеверным представлениям — добрый или злой дух, живущий в доме; домовый’ (СРНГ 8, 119). При отнюдь не тождественности образов восточнославянских колдуна / ведьмы, с одной стороны, и домового, с другой, о существенном пересечении их признаков (сходство их навыков, умений и функций, способность к оборотничеству, совпадение способов увидеть домового и распознать колдуна, их почитание, сказывающееся, например, в приглашении на свадебное пришествие, и проч.) см.: Славянские древности 2, 120–124, 528–534; 1, 297–301; Никифоровский 1995; Максимов 1903. (б) К соприкосновению значений (1) и (2) осет. *k'ūlybadæg* ср. рус. диал. *баловница* из наименований колдунов, знахарей, ведьм (Черепанова 1983, 15).

Указатель семантических моделей, рассмотренных в статье 3 серии «Из наблюдений... (slavo-ossetica)»

Римские и арабские цифры указывают соответственно том и страницы «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева.

‘Баловень’: ‘колдун(ья)’ I, 639. ‘Бежать; течь’ → ‘быстрый’ III, 221–222. ‘Белый’ → ‘молочная еда; сыр’ IV, 19. ‘Беременная’ ← ‘тяжёлый’ IV, 105. ‘Бить(ся)’ → ‘воин’ IV, 191. ‘Блудница’ ← ‘ходить, бродить, бегать’ IV, 191. ‘Большой’ + ‘сердце’ → ‘высокомерный’, ‘равнодушный’, ‘беспечный’ IV, 300. ‘Брать’ (+ ‘сам’) см. ‘Самонакрывающийся /-щаяся стол / скатерть’. ‘Бросать’ → ‘произносить’ IV, 148. ‘Вертеть, вращать, катать’ → ‘валить (шерсть)’ IV, 92–93. ‘Верх, верхний’ → ‘лучшее, жилое помеще-

ние в доме' IV, 78. 'Верх; сверху' → 'сливки' IV, 241–242. 'Взорваться' → 'вспылить' III, 270. 'Волк' → тотемное имя → личное имя IV, 96–97. 'Волос' → 'растение; злак' IV, 200–201. 'Вращение' (→ 'бродить') → 'распутство' IV, 193. 'Глаз' → 'самоцвет' III, 296. 'Глазок' → 'миловидный ребенок' III, 296. 'Глубокий' → 'темный' III, 232. 'Глухой, тугоухий' ← 'тяжёлый' + 'ухо' IV, 105. 'Двор' → 'нежилая часть дома' III, 341–342. 'Демон, чёрт' ← 'неназываемый' IV, 163. 'Держать' / (с превербами) 'хватать' → 'вступать в сражение', 'схватка' IV, 152. 'Дети' + аффикс 'вместилище' → 'матка' IV, 297. 'Добро' + 'делать' → 'благодетель' IV, 186. 'Добрый' (+ 'вид, образ') → 'упитанный' IV, 186. 'Добрый' + 'трава' IV, 220. 'Дом' → 'семья' IV, 159. 'Домосед' → 'колдун(ья)' I, 639. 'Душа' + 'живой' → 'кто-нибудь'; 'душа' + 'живой' (с отрицанием) → 'никто, никого' IV, 6–7. 'Душа' → 'человек, живое существо' IV, 6–7. 'Дьявол' ← 'лживый' IV, 163. 'Жених' ← 'жена' ('искать жены, просить жены') IV, 21. 'Засыпать, спать' → 'гаснуть, тухнуть' IV, 272. 'Злак' → 'сорняк' IV, 237. 'Зло' + 'делать' → 'злодей' IV, 186. 'Змея' ← 'ползающий' IV, 201. 'Иней, изморозь, снег' → 'седина' IV, 136. 'Козлы; стропило, опорный брус; матица' ← 'домашнее животное' IV, 176. 'Катать' → 'макать, окунать' III, 328. 'Кривой' → 'неправый, виноватый' IV, 320. 'Кровля' → 'жилище, постоянное прибежище' IV, 159. 'Круг' → 'группа людей, сообщество' III, 328. 'Круглый, обкатанный' → 'моренный камень, валун' IV, 324. 'Мизинец' ← 'младший сын' IV, 204. 'Молодое домашнее животное; бычок, тёлка' ← 'молодой, юный' IV, 86–87. 'Молоко, молочный' → 'Lactuca' (тж. 'Euphorbia', 'Tagaхасum' и др.) IV, 241–242. 'Молочная река' (фолькл.) IV, 241–242. 'Мучить' ← 'вынимать, вытягивать душу' IV, 6–7. 'Набухать, пухнуть' → 'затылок' III, 329. 'Нести' + 'слово' → 'осведомитель, доносчик' IV, 188. 'Несущий' + 'богатство' → 'беременная' IV, 191. 'Нитка' → 'стебель, травинка' IV, 135. 'Оба, обе' + 'рука' IV, 243. 'Осёл' → 'опорная конструкция' IV, 176. 'Падать, быть роняемым' → 'быть произнесённым (о слове)' IV, 148. 'Падать, выпадать' → 'случаться, доставаться на (чью-либо) долю' IV, 148. 'Паук' ← 'плетущий нить; ткач, прядильщик' IV, 170. 'Полоса' → 'лесная полоса, перелесок, роща' III, 220–221. 'Пороть' → 'портить' IV, 138–139. 'Пронзать, тыкать' → 'военное столкновение, бой' III, 307. 'Пустой стебель; трубчатая кость' → 'трубка', 'ствол ружья', 'свирель' IV, 192. 'Пустой; пускать, отпускать' → 'тщетно, напрасно' IV, 66. 'Пухнуть, набухать' → 'затылок' III, 329. 'Раз' + 'раз' → 'время от времени'; 'по мере продолжения' IV, 144–145. 'Раздвигать' + 'рот' → 'зевака,

ротозей' IV, 169. 'Распутница' ← 'ходить, бродить, бегать' IV, 191. 'Распутство' ← 'вращение' IV, 193. 'Ронять' → 'произносить' IV, 148. 'Рукоять' ← 'держать' IV, 150. 'Сам(ый)' + 'перед / после' → 'непосредственно перед / после' IV, 158. 'Сам' + 'звучать' IV, 157. 'Сам' + 'сечь, рубить' → эпитет холодного оружия IV, 156. 'Сам' + 'умирать' → 'ненасильственная («хорошая») смерть' IV, 157. 'Само-кат' (калькирование) III, 317–318. 'Самонакрывающийся / -щаяся стол / скатерть' ← 'сам' + 'брат' IV, 156. 'Свинья, боров' → 'копна' IV, 255. 'Сердце' + 'боль, болезнь' IV, 301. 'Сердце' + 'ломать, разрушать' → 'душераздирающий' IV, 300. 'Сиять' → 'властвовать' IV, 233–234. 'Снег, иней' → 'седина' IV, 136. 'Солнце' + 'лук' → 'радуга' IV, 248. 'Спутник, попутчик' → 'супруг' IV, 8. 'Ствол ружья' → 'единица огнестрельного оружия' → 'единица личного состава военного подразделения' IV, 192. 'Тесный, узкий' → 'подавленность, смущение, тревога' IV, 117. 'Трава' → 'лекарство' → 'средство (вообще)' IV, 220. 'Трава' → название весеннего месяца IV, 140. 'Тыкать, пронзать' → 'военное столкновение, бой' III, 307. 'Тянуть, растягивать' → 'мера длины', 'пядь' IV, 113. 'Тянуть' → 'струна' III, 262. 'Угощать, потчевать' → 'бить', 'бранить' IV, 23–24. 'Ударить проволоку' → 'телеграфировать' III, 288. 'Узкий, тесный' → 'подавленность, смущение, тревога' IV, 117. 'Часть слова, половина слова' → 'намёк' IV, 42. 'Часть слова, половина слова' → 'неохотный ответ' IV, 42. 'Черепаха' ← 'лягушка / жаба с панцирем, щитом' IV, 96. 'Чёрт' ← 'неназываемый' IV, 163. 'Юный, молодой' → 'молодое домашнее животное; бычок, тёлка' IV, 86–87. 'Язык, tongue' → 'язык, language' IV, 279. Название домашнего животного → 'укладка снопов' IV, 255. Название импортной породы скота ← топоним III, 219–220. Название породы лошадей ← фамилия конезаводчика III, 308.

Примечания

¹ Трудно удержаться от попутного, хотя отвлекающего в сторону, замечания о принятой фразеографической практике. В словарях приведенное и ему подобные выражения даются с инфинитивной формой глагола (*как сыр в масле кататься*, ср. в СРНГ: *как на блюде кататься*) и толкуются 'жить в довольстве', то есть толкователи видят сравнение при глаголе, а не глагол внутри сравнительного оборота. Если делать обратный перевод с «лексикографического», то должны быть признаны правильными предикативные единицы **он катается как сыр в масле*, **он катается как на блюде*. У составителей замечательного «Большого чешско-русского словаря» под ред. Копецкого, Гавранка и Горалка (Прага, 1952–1964), давших в качестве словарных единиц *как сыр в масле катается* (рядом с *кататься со смеху*), на

этот счет были установки куда более адекватные фразеологической материи, чем, например, у Ожегова — Шведовой, А. И. Молоткова (ФСРЯ, 196), С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 422) и проч.

² «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет „она тяжела“, или даже „беременна“, а не *брюхата* — слово самое точное и на чистом русском языке обычно употребляемое» (Я. К. Грот — П. А. Плетневу; цит. по: Виноградов 1994, 846).

³ Концепт ‘хорошая смерть’ (‘своя, ненасильственная, неслучайная, непреждевременная смерть’, ‘не гибель’), занимающий важное место в онтологических представлениях славян, находит своё прямое выражение в словосочетаниях типа *добрая смерть* («Дай бог *добрый смертью* умереть, не напрасной» — олон., СРНГ 20, 97). Ср. *злая смерть* («Он хочет вас *злой смертью* затребить [погубить]» — моск., СРНГ 11, 105).

⁴ Зарегистрированное в жиздринском (калужском) говоре слово *бегоу́ля* ‘проститутка’ обнаруживает точное в компаративистском смысле соответствие в чешском языке: *běhule*. Эта изоглосса до сих пор, кажется, не отмечалась (в ЭССЯ праслав.(?) **běgul’a* не включено). Ср. еще чешск. *běhna, poběhlice* ‘потаскуха’.

⁵ Здесь нужно отклонить мотивацию слова *валун* ‘большой отдельный камень округлых очертаний’, которую усматривает Н. С. Арапова. По ее мнению, *валун* ‘камень’ представляет собою результат метафорического переноса, подобного тому, который наблюдается в производности термина (микрорельефа *кабан* ‘большой камень’, ‘глыба льда’ от названия самца домашней или дикой свиньи — по зрительному сходству (Арапова 2006, 23–24). За найденное (утраченное?) *валун* *‘кастрированный кабан’ в построениях Н. С. Араповой предстает другое производное от *валить / валять* ‘кастрировать’ — *валух*. Однако в пользу прежнего толкования, согласно которому *валун* ‘камень’ мотивируется значением ‘обкатанный [движением воды, массивов льда в ледниковую эпоху]’ ← ‘валять, катать’ (с достаточной прозрачностью об этом — в: Фасмер I, 270; ЭСРЯ 3, 13; ЕСУМ 1, 325–326; ЭСБМ 2, 44, 39), говорит немало количество доводов, которые нельзя не признать серьезными. В первую очередь это наличие диалектного (только фольклорного?) прилагательного *валучий* ‘способный перекачываться с одного места на другое’ (СРНГ 4, 31; значение формулируется со знаком вопроса). По-видимому, решающим для привлечения последнего моментом является его употребление в рифмующемся аппозитивном единстве с прилагательным *катучий* и при этом, что особенно знаменательно в контексте наших рассуждений, — в качестве эпитета к ‘камню’: «Ты бы лучше, матушка, меня породила *катучим-валучим* белым *камышком*» в «Онежских былинах» Гильфердинга (см. еще: СРНГ 13, 134). Довеском к предлагаемому доказательству служит параллельная суффиксация *валун* — диал. (яросл.) *катун* ‘валун, булыжник’, далее урал. *катунник* ‘скопление каменной булыжника’ (там же). Невозможно, наконец, закрыть глаза на приведенную выше важную балтийскую (литовскую) ономасиологическую параллель. [Подробнее см.: Журавлев 2012].

Принятые сокращения

Абаев — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л., 1958. Т. II–IV. Л., 1973–1989.

Абаев 1939 — Абаев В. И. Из осетинского эпоса. М.–Л., 1939.

- Абаев 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.–Л., 1949.
- Арапова 2006 — *Арапова Н. С. Валун* // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.
- Бейлина 1968 — *Бейлина Д. А.* Материалы для полесского ботанического словаря // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004.
- Варбот 1997 — *Варбот Ж. Ж.* К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. III // Этимология. 1994–1996. М., 1997.
- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дзендзелівський 1987 — *Дзендзелівський Й. О.* Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.
- Додыхудоева 2005 — *Додыхудоева Л. Р.* Этнолингвистический словарь: «дом», «жилье»; «хозяйство» // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005.
- Журавлев 1978 — *Журавлев А. Ф.* Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., Наука, 1978.
- Журавлев 1996 — *Журавлев А. Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Журавлев 2005 — *Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воозрения славян на природу». М., 2005.
- Журавлев 2012 — *Журавлев А. Ф.* Взвешивание конкурентных мотивационных версий в этимологической практике (о слове *валун*) // Русский язык в школе. М., 2012. № 2.
- Климов — Халилов 2003 — *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.
- Ковтюк 2007 — *Ковтюк И.* Украинские заимствования в ужанском венгерском говоре. Ньиредьхаза, 2007.
- Кочергина — *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1978.
- Лаврентій Зизаній — Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. Київ, 1964.
- Максимов 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.
- Миллер 1881 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1881.
- Михеев 1999 — *Михеев М. Ю.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- Мораховская 1996 — *Мораховская О. Н.* Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996.
- Никитина 2003 — *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2003.

Никифоровский 1995 — *Никифоровский Н. Я.* Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск, 1995.

Осетинско-русский словарь 1952 — *Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н.* Осетинско-русский словарь / Под ред. А. М. Касаева. М., 1952.

Раденковић 1999 — *Раденковић Љ.* Називи *veštice* код балканских Словена // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

Романов 1891 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебск, 1891.

Сабадош 1996 — *Сабадош І. В.* Формування української ботаничної номенклатури. Ужгород, 1996.

СИГТЯ Лексика 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.

Славинецький — Лексикон латинський *Є. Славинецького*. Лексикон словено-латинський *Є. Славинецького* та *А. Корецького-Сатановського*. Київ, 1973.

Славянские древности — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1-. М., 1995 [т. 5 — в печати].

Толстая 1998 — *Толстая С. М.* Культурная семантика слав. **kriv-* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. II. М., 1998.

Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000.

Трофимович — *Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. М. — Бауцен, 1974.

Трубачев 2003 — *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2, доп. М., 2003.

Трубачев 2008 (1960) — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя // *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 3. М., 2008.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Чибиров 2008 — *Чибиров Л. А.* Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.

Шаур 1973 — *Шаур Вл.* К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология. 1971. М., 1973.

Юдин 1997 — *Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Hladká 2000 — *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.

Moszyński 1957 — *Moszyński K.* Pierwotny saziąg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.

Slavo-ossetica 1; 2 — *Журавлев А. Ф.* Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica). Статья 1 // Глобализация — этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В 2 тт. М., Наука, 2006. Т. 2. Этнизация; ... Статья 2 // Этимология. 2003–2005. М., 2007.